

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра русского языка и литературы

Квалификационная работа
по русской филологии на тему:
«Концепты «счастье-несчастье» в русских пословицах»

Студентки группы Сл 51(МЛ) -19
факультета славянской филологии
дневной формы обучения
образовательно-профессиональная
программа Русский язык и литература,
английский язык и методика их
преподавания
специальность 035 Филология
второй (магистерский) уровень

Джумаевой Севары

Допущен к защите
«__» _____ 20__ г.

Заведующий кафедрой

_____
(подпись) (ФИО)

Научный руководитель:
кандидат филологических наук доцент
Потапова Галина Николаевна

Национальная шкала _____
Количество баллов _____
Оценка ЕКТС _____

Киев-2020

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
КИЇВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ ЛІНГВІСТИЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ

Кафедра російської мови і літератури

Кваліфікаційна робота
з російської філології на тему:

«Концепти» щастя-нещастя »в російських прислів'ях»

Студентки групи Сл 51(МЛ) -19
факультету слов'янської філології
денної форми навчання
освітньо-професійна програма
Російська мова і література, англійська
мова і методика їх викладання
спеціальність 035 Філологія
другий (магістерський) рівень
вищої освіти

Джумасвої Севари

Допущено до захисту
«___»_____ 20___ р.

Завідувач кафедри

_____
(підпис)

_____
(ПІБ)

Науковий керівник:
кандидат філологічних наук
доцент
Потапова Галина Миколаївна

Національна шкала _____
Кількість балів _____
Оцінка ЄКТС _____

Київ-2020

MINISTRY OF SCIENCE AND EDUCATION OF UKRAINE

KYIV NATIONAL LINGUISTIC UNIVERSITY

Russian Language and Literature Department

**Master's Thesis
in Russian Philology on topic:
"Concepts" of happiness-unhappiness "in Russian proverbs"**

Student of group СЛ 51(МЛ) -19
Slavic Philology Faculty
University department for full-time students
Educational Programme
The Russian language and literature,
the English language and methodology of
teaching them
Programme Subject Area 035 Philology
Second (master's) level of higher education

Jumaeva Sevara

Defense of a Master's thesis is allowed

«___»_____ 20___

Head of the Chair

_____
(signature)   _____
(Name)

Scientific supervisor:

Phd associate professor

Potapova Galina Nikolaevna

National grade _____

Scores _____

Rating point _____

Kyiv-2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОНЯТИЯ КОНЦЕПТОВ «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ»	
1.1 Понятие концепта и аспекты его изучения.....	10
1.2 Типология и структура концептов.....	17
1.3 Представление о счастье и несчастье в русской национальной традиции.....	22
Выводы к главе I.....	30
ГЛАВА 2. ЛЕКСИКО - СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ КОНЦЕПТОВ «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ»	
2.1 Форма и развитие семантики лексем «счастье» - «несчастье».....	33
2.2 Особенности словообразования лексем «счастье» - «несчастье».....	43
2.3 Анализ синонимических лексем «счастье» - «несчастье».....	47
2.4 Счастье и несчастье: сочетаемость и употребление.....	51
Выводы к главе 2.....	57
ГЛАВА 3. ЛЕКСИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ «СЧАСТЬЕ-НЕСЧАСТЬЕ» В РУССКИХ ПОСЛОВИЦ АХ	
3.1 Анализ группы пословиц и поговорок «Взаимообусловленность счастья и несчастья».....	59
3.2 Анализ группы пословиц и поговорок «Соотношение счастья и беды	66
3.3 Анализ группы пословиц и поговорок «Понимание счастья».....	68
Выводы к главе 3.....	71
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	73
РЕЗЮМЕ.....	75

ЛИТЕРАТУРА.....79

Введение

В настоящее время концепт является базовым и ключевым термином современной лингвистики. В данной работе рассматривается представление концептов «Счастье и Несчастье» в русских пословицах .

Актуальность исследования определяется значимостью пересечения культуры и языка, паремиологии и культур в частности, сложностью характера ключевых понятий «счастье» - «несчастье». Более того, пословицы и поговорки фиксируют константы сознания и культуры, которые применимы к носителям языка, определяют систему оценки мира и позволяют нам различать и анализировать основные концепции.

Цель исследования - определение понятий «счастье-несчастье» относительно формального и семантического порядка русских пословиц, представляющих иллюстрированные понятия. Понятия «счастье и несчастье» противоположны, и их компоненты могут быть связаны друг с другом по принципу взаимозависимости. А характеристика понятий «счастье» и «несчастье» во многом определяется представлениями и семантическими свойствами определенных знаков. В результате исследования, проведенного на русских паремиологических материалах, выявлено, что выразительно-смысловое значение понятий «счастье и несчастье» в русском языке имеет большое значение.

Объектом изучения стали паремии с концептом «счастье – несчастье» в русской языковой картине мира.

В ходе работы были использованы следующие **методы исследования**:

- метод сплошной выборки паремий из словарей;
- метод классификации и лингвистического анализа концепта
- описательный метод при научном анализе концепта «счастье – несчастье» в русских паремиях.

Материалом для исследования стали паремии, которые были выбраны

из следующих словарей:

Толковый словарь русского языка Ушакова. 2012; Активный словарь русского языка, В-Г, Том 2, Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э., Богуславская О.Ю., 2014; Словарь синонимов русского языка, Бабенко Л.Г. и другие, словари пословиц и поговорок: Словарь русских пословиц и поговорок, Жуков В.П., 2000; Мой первый словарь русского языка, Пословицы и поговорки, Фокина А.С., 2014, и другие, Фразеологический словарь русского языка (Е.Н. Телия; Фразеологический словарь современного русского языка, Ларионова Ю. А., 2014)

Современная лингвистика характеризуется ростом роли человеко-ориентированного, культурного и когнитивного подходов к изучению языка как источника информации о концептуальных структурах сознания. Поэтому изучение концепта имеет большое значение в современной лингвистике, и термин «концепт» широко используется в различных областях лингвистики, таких как когнитивная, семантическая и культурологическая лингвистика.

Основные концепции лингвистики включают национальный языковой образ мира и то, как он концептуализируется. Оба понятия тесно связаны. Концепция находится в центре многих традиций, традиций, обрядов и исконного речевого поведения этноса, она лежит в основе оценки и определения ценности конкретного индивида, процессов, событий и фактов [1].

Концепт относится к культурному вербальному инструменту, представленному как выражение набора языковых практик, которые образуют соответствующую лексико-семантическую парадигму. Понимание концепции как рабочей единицы мысли - это способ и результат измерения и классификации знаний. Это связано с тем, что объектом концепции является ментальная сущность, формирование которой определяется формой абстракции, а модель определяется концепцией, не только определяющей объект, но и создающей его.

Понятия «счастье и несчастье» — это противоположные концепции, компоненты которых могут быть связаны друг с другом на основе принципа взаимозависимости. Пословицы и поговорки представляют собой

структурированную и семантически организованную систему. Они фиксируют константы сознания и культуры, которые относятся ко всем носителям языка, определяют систему оценки мира и позволяют нам различать и анализировать основные концепции. Характеристики «счастье – несчастье» во многом определяются репрезентативными и семантическими свойствами определенных знаков. Лексико-семантическое представление данных понятий позволяет определить концептуально важные характеристики понятий «счастье и несчастье». Лексико-семантический анализ пословиц позволяет представить содержание понятий «счастье – несчастье» и более подробно раскрыть их концептуальные связи.

Согласно лексическим источникам, гипероним терминов «счастье - несчастье» и семантический архетип связанных семантических понятий - это «судьба» как человеческая форма, записанная ему Богом как часть доли, данной при рождении» [4].

Под понятием «счастье» в традиционной русской культуре понимается категория, охватывающая систему представлений и представлений личности или общества о ценностях, преимуществах и материальном богатстве. В языковом сознании общества это тесно связано с понятием «богатство», которое связано с такими понятиями, как здоровье, хорошая жизнь и т. д.) И имущество / богатство, ум / интеллект, знания, навыки, искусство и т.д. Традиционное русское мировоззрение характеризуется вариативностью, которая отражается в паремииологии следующим образом: «Всякий счастья своего кузнец.», «Счастье с несчастьем на одних санях ездят.»

Доля людей может не полностью соответствовать тенденциям и человеческому достоинству, и в этом смысле она случайна. «Судьба», то есть «счастье», не выбирает людей в соответствии с умом или образованием, идеологией, религией, профессией и т.д. Не выбирает и не приходит к кому-то и никуда, но если человек не ценит этот «шанс», то оставляет его прежним и никогда не возвращается.

Понятие «счастье» в когнитивном сознании этнокультурно-рефлексивной фразы, объективированной орнитонимом «птица счастья»: «Поймал птицу счастья» (что то произошло, то что осчастливило этого человека)

Пословицы и поговорки отражают жизнь доисторических людей, как современную, так и историческую, раскрывая суеверия, нравственные правила, мировоззрения, отношение людей к ним. Следы мифологического мира прослеживаются в пословицах и поговорах о «счастье и несчастье».

Антропоцентрический характер паремеологической семантики необходимо учитывать при изучении мировоззрения конкретного народа, освященного языком пословиц и поговорок. Истина напрямую связана с пословицами, отражающими мировоззрение и психологические особенности личности. Анализ пословиц и поговорок может быть добавлен к слоям для определения когнитивных симптомов изучаемых понятий, «природы и характера» «счастья и несчастья», роли людей в их жизнях и выявления возможных противоречий и парадоксов, интерпретация концепций данных.

Апробация работы состоялась на Международной студенческой научно-практической конференции «До світу через мови. Світ як інтертекст» 17-18.06. 2020 в КНЛУ.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОНЯТИЯ КОНЦЕПТОВ «СЧАСТЬЕ- НЕСЧАСТЬЕ»

1.1 Понятие концепта и аспекты его изучения

На современном этапе развития лингвистики изучение концепт-поля - активно развивающееся направление. Концептология сочетает в себе значительный объем работ по анализу концепта, существовавшего до настоящего времени, и раскрывает богатый арсенал исследований с точки зрения объекта, субъекта и метода лингвистической идентификации. Количество работ, посвященных концепции, превысило ее критическую массу, поэтому сделана попытка охарактеризовать основные подходы к характеристике исследовательской единицы в дипломной работе. Исследование в дипломной работе сосредоточено на лингвистических подходах, которые оказались важны при анализе материала.

В настоящее время понятие является существенным и ключевым термином в современной лингвистике. Язык отражает связь между мышлением и культурой. Концепт - это содержательная сторона языкового знака, которая, помимо концептуальной, рациональной составляющей, содержит всю нерациональную, психологически важную информацию. Включение понятия в область лингвистического анализа позволило открыть новые аспекты значений слов, особенно в культурологии, проследить динамику развития исходного этимологического значения в рамках этого термина и объяснить закономерности появления семантических увеличений в текстах.

Термин «концепт» широко используется в современной научной литературе, но имеет разные толкования. Само понятие и термин «концепт» (от лат. - концепты) начали употребляться еще в средние века. Слово «концепция» означает обобщенное абстрактное представление об объекте или явлении.

Проблема концепции впервые возникла в ходе дискуссии между номиналистами и реалистами в начале 14 века. Номиналисты считали универсалии ментальными по своей природе. Реалисты, с другой стороны, рассматривали универсалии как ментально безусловные концепции, которые имеют реальное существование и предшествуют существованию отдельных вещей.

Помимо логико-философского понимания концепта, термин начал включаться в научный филологический (лингвокультурный) концептуальный аппарат.

Впервые в отечественной науке термин концепт был употреблен С.А. Аскольдовым-Алексеевым в 1928 г. Концепт был изначально связан с понятием, что было зафиксировано в статье «Концепт и слово»: «Что же это за туманное «нечто», в котором в области знания всегда, а в искусстве слова в значительной мере заключается основная ценность? В проблеме познания это «нечто» носит название «концепта», под которым надо разуметь два его вида: общее представление и понятие» [1].

Использование термина «концепт» связано с расширением предметной области лингвистики и сферы ее взаимодействия с другими науками, в частности, с философией и психологией. Следствием этого расширения стало «изменение ценностных ориентаций: от трактовки смысла как абстрактной сущности, формальное представление которой отвлечено и от автора высказывания, и от его адресата, к изучению концепта как сущности ментальной» [2].

Рассмотрены концепции с культурной, лингвистической, философской и других точек зрения, представлены многочисленные интерпретации, классификации и методы исследования.

Д. С. Лихачев указывает на заместительную функцию концепта, облегчающую языковое общение: «она позволяет преодолевать несущественные, но всегда

существующие между общающимися различия в понимании слов, их толковании» [3].

Концепт, согласно научным определениям С.А. Аскольдова, Е.С. Кубряковой, С.Х. Ляпина, О.П. Скидан – это «многомерный мыслительный конструкт, который отражает цепочку познания мира, результаты человеческого бытия, опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем.» [4] М.А. Холодная трактует концепт как «познавательную психическую структуру, особенности организации которой обеспечивают возможность отражения действительности в единстве разнокачественных аспектов». По мнению Р.Павиленса, концепты - это «смыслы, составляющие когнитивно базисные подсистемы мнения и знания». [5]

Отвечая на вопрос «как человек может добраться до смысла?», нам вспоминаются слова А. Вежбицкой : «Мы можем добраться до мысли только через слова» [6] . И если концепт представляет собой словесно проявленное значение, то оказывается, что настоящая лингвистическая проблематика в его творчестве связана с определением сферы существования этого значения и уровня его коммуникативной реализации: является ли это идиологическим фактом? Или национальное лингвистическое сознание, будь то речевой или языковой феномен, ситуативный феномен разовой реализации или единица словаря, если это словарь, то связанный со словом или его вербально-семантическими вариантами.

АА. Худяков указывает на отсутствие точного соответствия между понятиями и значениями. Это относительно стабильный и стабильный когнитивный паттерн из неязыкового мира, поскольку понятия связаны более напрямую, чем семантические категории. Концепты - это основная форма практики концептуального мышления, а значение - лингвистический феномен, построенный на основе соответствующих концептов [6].

Как правило, концепт отождествляется с представлением в том или ином смысле и противопоставляется концепту –понятию по таким характеристикам, как степень индивидуализации (субъективности) и воображения [7].

Концепция, в отличие от понятия, не только мыслится, но и переживается. Отсюда следует, что его объем шире, чем объем концепции. В концепцию входит сама концепция, в которой есть существенная ядерная составляющая.

Концепт как лингвистико-когнитивный феномен представляет собой единицу «ментальных и психических источников нашего сознания и структуры знания, отражающей человеческие знания и опыт; Единицей оперативного содержания является память, ментальный словарь, концептуальная система и язык мозга (*lingua mentalis*), вся картина мира, отраженная в психике человека. Понятия возникают в процессе создания информации об объектах и их свойствах, и эта информация может включать как информацию об объективных событиях в мире, так и информацию о воображаемых мирах и возможных ситуациях в этих мирах. Это информация о том, что человек знает, предполагает, думает, воображает об объектах в мире. Концепции сводят все разнообразие наблюдаемых и воображаемых событий к одному предмету и собирают их под одним заголовком; Они способствуют обработке субъективного опыта, обобщая информацию по определенным категориям и классам, разработанным обществом, позволяя вам хранить информацию о мире и становиться строительными блоками концептуальной системы. Два или более разных объекта имеют возможность рассматривать их как примеры и представителей одного и того же класса / категории [8]. В то время как некоторые из концепций имеют лингвистическую «связь», другие концепции представлены в психике посредством определенных ментальных репрезентаций - изображений, картинок, диаграмм и т. д.

Когнитивная трактовка концепта выявляет, прежде всего, его ментальную природу. А.П. Бабушкин определяет концепт как «ментальную репрезентацию связей между объектами действительности» [9].

Согласно В.И. Карасик, концепт состоит из трех компонентов понятийного, образного и ценностного. [10] По образному замечанию С.Х. Ляпина, «в глубине концепта мерцает понятие». [11]

В лингвокультурологии (Степанов Ю.С., Лихачев Д.С., Маслова В.А.) концепт мыслится как «культурноментально-языковое» образование, своего рода «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово» [12]. В этом смысле все концепции, которыми оперирует человек культурные концепции. Но есть и более узкое понимание этих сущностей. Когда дело доходит до этнических и различных типов культуры, единицы конкретной системы поведения и ценностные модели восприятия мира являются культурными концепциями.

Таким образом, когнитивные концепции представляют собой мысленные образования индивидуального значения, которые структурируют и реструктурируют окружающую действительность, а культурные концепции - это совокупно значимые психические образования, фиксирующие оригинальность соответствующей культуры.

Тем не менее, при всем разнообразии трактовок термина «концепт» представители обоих направлений единодушны в признании того факта, что данные подходы не являются взаимоисключающими, различия же связаны в основном с принципом отбора единиц исследования и методикой их описания. Иначе говоря, эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт—это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт—это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [13].

Концепт – это результат индивидуального познания, а индивидуальное требует комплексных средств для своего выражения; концепт не имеет жесткой структуры, он объемный, а поэтому целиком его выразить невозможно.

Когнитивные исследования доказали, что традиционный подход к мышлению как процесс, оперирующий четкими логическими концепциями, не отражает сущности мыслительной деятельности человека. Процесс человеческого мышления характеризуется неопределенностью, поскольку он

основан не на классической логике, а на логике с нечеткой истиной, нечеткими связями и нечеткими правилами вывода.

При психолингвистическом подходе концепт понимается как «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [14].

Иное понимание концепта предлагает А. Соломоник, который считает, что концепт – это абстрактное научное понятие, созданное на базе конкретного житейского понятия [15].

Национальная специфика концепта определяется в трактовке данного понятия Н.Д. Арутюновой. Концепт понимается как нечто, относящееся к области практической (обыденной) философии, и является результатом взаимодействия культурологических факторов, к которым относятся национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей [16].

П. Абельяр считал концептом совокупность понятий, связывание высказываний в единую точку зрения на тот или другой предмет при условии определяющей силы разума». [17].

Поскольку концепция является единицей культуры, она должна содержать ценностный компонент, поскольку именно наличие ценностного компонента отличает его от других ментальных единиц. Концепция выступает как структура сознания, в которой закреплены ценности общества.

Концепт можно рассматривать как модель или структуру, заменяющую объект исследования, созданный с целью ее изучения. Описание концептуального набора способствует моделированию системы ценностей.

Основой для формирования концепции является только факт действительности, которая становится объектом оценки. Действительно, чтобы человек мог оценить объект, это момент «прохождения» и «прохождения» и оценка - момент формирования концепта в сознании носителя культуры.

Помимо ценностной составляющей, структура концепта включает концептуальные и образные элементы. Концептуальный элемент состоит из фактической информации о реальном или воображаемом объекте.

Метафорическая составляющая концепции связана с тем, как вы знаете правду. Этот элемент включает все наивные представления, зафиксированные в языке; внутренние словоформы, служащие для выражения понятия; «устойчивые картинки».

Концепты существуют как в индивидуальном сознании языковой личности, так и в коллективном сознании языковой группы. Они представляют собой единицы структуры сознания и знания, отражающие человеческий опыт. Сознание формирует переживания. Сознание и опыт могут быть как коллективными, так и индивидуальными. Таким образом, можно говорить о существовании индивидуальных и коллективных концептов, а коллективные концепты, в свою очередь, делятся на микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные и общечеловеческие.

Обе группы концептов представляют определенный интерес для исследователей. Но следует сказать, что индивидуальные концепты богаче и разнообразнее, чем коллективные, так как «коллективное сознание и опыт есть не что иное, как условная производная от сознания и опыта отдельных индивидов, входящих в коллектив» [18]. Эта производная создается путем сокращения всего уникального в личном опыте и учета совпадений, а отдельные концепции могут содержать несколько элементов.

С другой стороны, большой интерес представляют коллективные концепции, поскольку они составляют общие знания (образы, убеждения, предположения, ожидания и многое другое).

Одним из основных вопросов концептуальной науки является проблема соотношения концептов и языковых единиц. Определение некоторых словосочетаний, принадлежащих к народной культуре, может быть связано с понятиями той же культуры. Объясняя отношение изучаемого слова к другому слову, мы получаем частичное толкование интересующего слова.

У А. Вежбицкой термины «слово» и «концепт» оказываются взаимозаменяемыми. Она вводит такие понятия, как «концепт-минимум - это неполное владение смыслом слова, присущее рядовому носителю языка», и «концепт-максимум - полное владение смыслом слова» [19]. С.А. Аскольдов считает, что концепт соответствует слову. Д.С. Лихачев утверждает, что для каждого отдельного концепта существует отдельное словарное значение.

В процессе коммуникации средствами активации концепции в основном являются языковые знаки. Есть такие языковые единицы, которые могут выразить понятие более полным и общим образом. Такие блоки - это название концепции. Однако имя концепта - не единственный способ активировать концепцию. Любая концепция характеризуется способностью реализовываться в иной символической форме.

На протяжении всего своего существования концепт теряет связь с некоторыми языковыми единицами, но также привлекает новые. Концепты занимают важное положение в коллективном языковом сознании, а потому их исследование становится чрезвычайно актуальной проблемой.

1.2 Типология и структура концептов

Вопрос о типологии концептов - один из первых теоретических вопросов, поднятых когнитивной лингвистикой в процессе формирования. Было развито понимание того, что концепция представляет собой многомерное умственное образование, которое отражает знания и опыт человека, и что это целостное воспроизведение феномена реальности. Сохраняя свою основную функцию - структурировать знания и действовать как единицы мыслительного процесса, концепции различаются по содержанию и структуре. Типология концептов

возможна и необходима из-за различных типов информации, которую они представляют.

Для лингвистико-когнитивного анализа человеку необходима типология концептов с точки зрения характера их «наблюдаемости». Следовательно, на самом деле «оязыковление» бывает вербальным и невербальным (или латентным). Д. Попова и И. А. Стернин используют в этом смысле термины «устойчивые» (имеющие закрепленные за ними языковые средства репрезентации) и «неустойчивые» (глубоко личностные, практически совсем не вербализуемые) [20]. По степени «конкретности - абстрактности» концепты подразделяются на конкретные (дом, человек) и абстрактные (счастье, красота).

С точки зрения лингвистического оформления вербализованные концепты делятся на лексические, фразеологические, грамматические, синтаксические; выделяют простейшие (представленные одним словом) и сложные концепты (представленные в словосочетаниях и предложениях). С точки зрения дискурса как среды их языкового существования существуют обиходные, научные, художественные концепты; в свою очередь на основании соотношения «конвенциональности - новизны» художественные концепты подразделяются на общехудожественные (архетипы и прототипы), индивидуально-авторские (идиотипы), собственно-авторские концепты (идиотипы, собственно-авторские неологизмы) [21].

С точки зрения транслируемости существуют активно и пассивно транслируемые концепты, содержательно модифицируемые и немодифицируемые, переводимые и неперевоаемые в иные формы [22]. Исходя из внутреннего содержания концепта, В. И. Карасик разграничивает параметрические (пространство, время, пустота) и непараметрические концепты (совесть, честь, мораль, грех). Последние классифицируются в свою очередь на регулятивные и нерегулятивные [23].

Исходя из актуальности или принадлежности определенным группам носителей, различают универсальные (или общечеловеческие), этнические (или

национальные), цивилизационные, групповые (микро- и макрогрупповые; а также возрастные, гендерные, профессиональные) и индивидуальные концепты.

По степени интеграции семантических структур и меры социального престижа выделяются суперконцепты, макроконцепты, базисные концепты и микроконцепты [24]. А. Вежбицкая для описания функционального потенциала концепта вводит термины «концепт-минимум» (неполное владение смыслом слова, присущее рядовому носителю языка, для которого соответствующая реалья известна, но является периферийной для жизненной практики) и «концепт-максимум» (полное владение смыслом слова, за пределами которого может лежать энциклопедическая «добавка») [25].

Согласно типологии М. В. Пименовой, концепты подразделяются по признаку появления на исконные (например, в русском языке - *князь, богатырь, Русь*) и заимствованные (император, президент); по признаку развития структуры на развивающиеся (*сердце*), и застывшие (*богатырь, соловей-разбойник*); по признаку постоянства базовой структуры на постоянные, т.е. сохранившиеся, и трансформировавшиеся; по признаку первичности на первичные, т.е. основные (*мысль*), и производные (*замысел, помысел, умысел, вымысел*); по признаку актуальности на ведущие или ключевые (*душа, земля, солнце*) и второстепенные (*чиновник, консультант, демонстрация*) [26].

В рамках когнитивного подхода к концептам с точки зрения содержания или степени отражения в них фрагментов действительности они могут подразделяться на: 1) мыслительные картинки или представления (*клен - лиственное дерево с широкими резными листьями*); 2) концепты-схемы (*река как ленточка*); 3) концепты-гиперонимы (*водоем - это океан, море, река, озеро, пруд*); 4) концепты-фреймы (*пожар - это пламя, жар, крики, суета*); 5) концепты-инсайты (*зонтик - это приспособление для защиты от дождя*); 6) концепты-сценарии (*поход, рыбалка*); 7) калейдоскопические концепты (*любовь, судьба*) [27]. Н. Н. Болдырев разграничивает конкретно-чувственные образы, представления, схемы, понятия, прототипы, пропозиции, фреймы, сценарии или скрипты, гештальты [28].

Исходя из роли концепта в структурировании языкового значения, различают следующие типы: концепты-классификаторы, интегрирующие концепты, концепты отстранения [29].

Описание лексической репрезентации концептов Ю. С. Степанова сводится к следующим типам концептов: рамочные концепты, для которых отвлечение одного из признаков в качестве рамки есть основное содержание концепта (интеллигенция, цивилизация); концепты круговорота общения, являющиеся культурно-значимыми в своей целостности, во всем составе признаков (слово, знание, вера, воля); концепты трехфазовой модели действия, которые отражают движение в когнитивной модели «действие → состояние» [30].

С точки зрения структуры концепты, в понимании воронежской научной школы, подразделяются на одноуровневые (составляющие лишь чувственное ядро: чашка, ложка), многоуровневые (включающие несколько когнитивных слоев, различающихся по уровню абстракции: грамотность) и сегментные (состоящие из базового чувственного слоя и других слоев, равноправных по степени абстракции: толерантность)[20].

Существуют и другие классификации концептов. С лингвокультурологической точки зрения В. А. Маслова устанавливает возможность разделения концептов на следующие группы: 1) мир - например, пространство, время, число; 2) стихии и природа - *вода, огонь, дерево*; 3) представления о человеке - *интеллигент, новый русский*; 4) нравственные концепты - истина, совесть; 5) социальные понятия и отношения - *свобода, война*; 6) эмоциональные - *счастье, любовь*; 7) мир артефактов - дом, свеча; 8) концептосфера научного знания - *философия, филология*; 9) концептосфера искусства - *музыка, танец* и др. [31].

М. В. Пименова выделяет следующие виды концептов: образы (*Русь, Россия, мать*), идеи (*социализм, коммунизм*) и символы (*лебедь*), а также концепты культуры, которые делятся на несколько групп: универсальные категории - движение, количество, качество; социально-культурные категории -

справедливость, труд, богатство; категории национальной культуры - для русских это воля, доля, душа, дух; этические категории - добро, зло, долг, правда, истина; мифологические категории - боги, ангел-хранитель, духи, домовый [32].

С. Г. Воркачев выделяет концепты высшего уровня (*долг, счастье, совесть*) и обычные концепты (*автомобиль, язык, мужчина*) [33].

В лингвокультурологии общепринятым термином является термин «культурный концепт», исследование которого позволяет выявить национальную специфику концепта и всей концептосферы определенного языка. Их называют также «ядерными единицами картины мира» (по В. А. Масловой), «национальными концептами» (по В. В. Красных), «культурными доминантами» (по В. И. Карасику), «константами» (по Ю. С. Степанову), «ключевыми словами» (по А. Вежбицкой). Культурные концепты, в свою очередь, можно разделить на автохтонные (абстрагируемые от значений своих конкретных языковых реализаций и содержащие в своей семантике «предметные» и этнокультурные семы) и универсальные концепты (абстрагируемые от неопределенного числа языковых реализаций и обеспечивающие эталон сравнения, необходимый для межъязыкового сопоставления и перевода). Автохтонные концепты могут быть моногlossными (внутриязыковыми) и полигlossными (абстрагированными от лексических единиц двух и более языков). Как постоянные признаки культуры, они также могут подразделяться на «априорные» (доопытные, существующие благодаря силе человеческого ума: например, *единичность, цивилизация, число*) и «апостериорные» (опытные, эмпирические: *вера, любовь, ремесло*) [34].

Учитывая необычайный интерес к изучению и определению различных концепций в современном мире, их место и роль в национальной концептуальной сфере, можно с уверенностью сказать, что разработка наиболее полной типологии научных концепций в настоящее время является одной из самых больших актуальных исследовательских задач.

1.3 Представление о счастье и несчастье в русской национальной традиции

О счастье писали всегда, во всех странах и культурах, пытаясь ответить на вопрос, что делает людей счастливыми или несчастными в их жизни. Этот один из вечных вопросов человечества находил отражение как в философских трудах, так и в народном творчестве: сказках, легендах, поговорках, пословицах, афоризмах.

Традиционная для русского сознания моральность, поиск духовного смысла человеческого существования обнаруживает себя и в отношении счастья - несчастья. Нравственная проблематика счастья активно разрабатывалась в древнегреческой, а затем в европейской философии.

Христианское учение оказало большое влияние на развитие моральных и этических тенденций в понимании счастья и несчастья.

Самое важное и самое существенное влияние православия было в России. Характерной чертой российской национально-культурной системы самосознания представлений о счастье и несчастье остается вопрос о моральной и этической легитимности счастья и морально очищающего, искупительного значения, придаваемого боли и несчастью. Как отмечает И.А. Джидарьян, счастье воспринимается не само по себе, не как самодостаточная сторона жизни, а в соотношении и через призму альтернативных форм - страдания и несчастья[35]. Несчастье выходит на первый нравственный план, являясь «проводником» к счастливой жизни: «Поверь, мой друг, страданье нужно нам; не испытав его, нельзя понять и счастья» (Е.А. Баратынский). Такое соотношение между счастьем и несчастьем характерно для русских пословиц: Кто нужды не ведал, и счастья не знает. Бояться несчастья - счастья не видать.

В русском православии акцентируется внимание на духовно-нравственных основаниях перехода от несчастья и страдания к счастью: страдание олицетворяет подлинность человеческого бытия, истинность человеческой личности и право ее на счастье. И.С. Тургенев говорил: «Хочешь быть счастливым? Научись сперва страдать» [36]. В.Г. Белинский определял свою любовь к родному, русскому как страдательное чувство.

Сомнение в нравственной возможности собственного счастья не раз встречается в произведениях русской литературы. В повести «Марфа - посадница, или покорение Новгорода» жители Новгорода признают себя виновными, поскольку «дерзнули повиноваться законам своего блага», в то время как «Россия бедствует - ее земля обгагрывается кровью, веси и грады опустели, люди, как звери, в лесах укрываются...» [37].

Стремление к счастью может выражать потребность в счастье как универсальном, абсолютном добре. И здесь снова проявляется нравственная составляющая - несоответствие личного счастья в условиях, когда другие люди несчастны, и способность души разделять несчастья других. Несчастье, наоборот, чаще всего принадлежит области реального: Счастье - притча, а несчастье - жизнь. И если человек несчастен, то потому, «что счастья ищет он» (Е.А. Евтушенко). Человек не должен стремиться к счастью, но верить в него: «Богатство жизни - вера в счастье» (Е.А. Баратынский).

С определенной уверенностью можно говорить о доброжелательном отношении русского народа к несчастью. Это связано с тем, что несчастье понимается не только как удар судьбы, которого невозможно избежать, но и как испытание жизни и связанные с ней духовные и нравственные страдания, которые необходимо терпеть достойно. Именно через боль человек встает на путь внутреннего очищения и становится ближе к Богу и людям. Если достижение счастья связано с определенными усилиями и добродетелями самого человека, этот личный компонент несчастья часто сводится к минимуму.

Говоря о счастье и несчастье, не нужно приписывать исключительную роль несчастью, поскольку, если «несчастье - хорошая школа, то счастье - лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному» [38]. Переход от несчастья к счастью кажется естественным чертам человеческой души. Даже в самых сложных жизненных ситуациях человек склонен ожидать лучшего, а не несчастного исхода. Эта надежда основана на человеческой вере. Это может быть вера в судьбу, удачу, людей, Бога, чудо. Исследователи отмечают, что такая вера и надежда на чудо, а также

мечта о благополучном и счастливом будущем в сочетании с поиском смысла жизни - характерная черта русского сознания.

Традиционное представление о «счастье» относительно его значимости и сложности достижения можно наблюдать, например, в следующих пословицах: «кому счастье служит, тот ни о чем не тужит; где нет доли, тут и счастье невелико; кто запаслив, тот и счастлив; тот счастлив, у кого есть хлеба с душу, платье с тушу, денег с нужу» и т.п.

При этом актуализируются понятия накопления, большого количества, собирательства. То есть «счастье» – это МНОГО, это глобальное решение материальной проблемы. В обиходном сознании укоренены воззрения на «счастье» как на условие (или синоним) богатства. Традиционное «счастье» тоже может быть пустяком, случаем, который малозначим и малоценен. Но его малоценность является не плюсом, а скорее минусом состояния. Мелкое «счастье» и не ценится, может быть потеряно.

Тема страдания «за всех» и поиск истины также характерны для концепций счастья и несчастья. Русский человек, по крайней мере честно, считает, что «правду не найти», поэтому для установления истины ему приходится прибегать к нечестным (не совести, а закону) методами.

Проблема обретения счастья, его определение, проблема определения основных признаков и качественных показателей этого явления существует ровно до тех пор, пока есть человек. Интерпретации концепции счастья у разных ученых различаются, они совершенно по-разному представлены в большом количестве философских систем, в основных догмах религиозных верований. Состояние счастья не только передается по-разному, но и даровано им человеком в земной или загробной жизни. На объяснение концепции счастья влияют обычаи и традиции, которые являются умственными чертами конкретного человека. Проблема счастья носит следы времен и веков.

Счастье, мудрость, справедливость, красота и т. д. В определениях концептов всегда отражается мировоззрение создателей этого концепта, проходящее во времени и завершающееся своим историческим духом.

Исходя из этого, можно предположить, что разные народы образуют разные определения одного и того же понятия, могут доминировать в одной культуре и заменяться комплексом других концепций в другой. В результате понятие счастья в русской традиции имеет очень специфические, сугубо национальные черты. Понятно, что понятие счастья, имеющее множество определений в различных областях, научных и религиозных системах, русской традиции, столь же полиморфно.

Счастье - это многогранное понятие, отражающее культурное, психологическое, экономическое и социальное доминирование, которое доминирует или доминирует в каждом сообществе. Фактически, с точки зрения актуальности, важности, важности, необходимости, процесса определения и поиска счастья, его обретение является вечно новым и востребованным для каждого нового поколения, каждой этнической группы, всех социальных слоев, каждой личности. Независимо от его происхождения и правил жизни.

Счастье — это прежде всего особое психофизиологическое состояние, отношение человека, характеризующееся внутренним духовным миром, в котором он живет, радостью бытия, гармонией чувств и мыслей, благополучием и чувством удовлетворения. Это было сделано, сказал он. Однако попытка наделить состояние счастья набором характерных черт затруднительно, поскольку, во-первых, у каждого есть собственное идеальное мнение об этой оценке, а во-вторых, сведение счастья к сумме этих черт подрывает эту концепцию. Интуитивно определяется, что счастье несравнимо больше, важнее, глубже радости и покоя.

Определяя счастье как состояние, следует отметить, что, как правило, до достижения состояния проходит этап действий, который определяется рядом факторов и предпосылок. Такими предпосылками могут выступать в качестве материальных компонентов радость, удача, гармония, покой - эмоции или благополучие. И тогда действие, процесс выполнения чего-либо становится конкретным в процессе поиска счастья. Проблема обретения счастья иногда является центральной, стержневой в жизни человека. На разных этапах жизни

счастье ассоциируется (или неправильно подставляется) с наиболее внешними факторами состояния счастья (материальным благополучием, состоянием комфорта и т. д.) и формирует желания, мечты, формы человека в соответствии с жизненными целями. К достижению этих целей человек стремится, объединенный идеей достижения счастья. Другими словами, переходя от цели к цели в поисках счастья на протяжении всей жизни, иногда осознается, что состояние счастья, в котором о нем написаны сотни стихов, полет души, целостность всей Вселенной - не переживаются, не ощущаются. Именно этот вариант делает счастье и успех временными, когда переживание счастья откладывается на потом. Но есть и другая, более позитивная сторона проблемы обретения счастья – ожидание и предвкушение счастья. Это означает, что человек постоянно совершенствуется в движении к счастью. Кроме того, его предвкушение позволяет мысленно моделировать состояние будущего, формировать мощные мыслеформы, энергетически закрывать период счастливого состояния. В проблеме обретения счастья ясно видны два момента: счастье в будущем и движение к нему в настоящем. Эта ссылка на время - важная черта концепции счастья. Более того, в этой временной особенности настоящее должно играть главную роль. Счастья сейчас. Сознание счастья, состояние сейчас устраняет несбыточный и недостижимый элемент счастья.

Мы заключаем, что состояние счастья возможно и сейчас. Это своеобразное полотно, на которое каждому человеку навязываются чувства, качества, события, которые он связывает со счастьем.

Подтвердить вывод о том, что счастье - это состояние, можно следующим образом. Человек не может испытывать определенную эмоцию раз и навсегда на протяжении всей своей жизни, его идеалы, ценности и правила меняются на протяжении всей его жизни, поэтому счастье воспринимается и определяется по-разному на каждом новом этапе жизни. Фактически, человек подсознательно отождествляет свое мгновенное состояние с состоянием счастья, потому что он может давать такие черты, как «Тогда я был счастлив», «Сегодня я самый счастливый человек в мире». Подобные эмоциональные переживания - не что

иное, как восприятие состояния счастья. И здесь явно есть временное свойство, которое подтверждает, что счастье возможно здесь и сейчас. Определив основные черты концепции счастья, мы попытаемся выяснить, какие эмоции, качества или идеи русский человек вкладывает в это понятие. Вышесказанное уже воспринимается как некая идеальная и часто недостижимая ситуация и «Что такое счастье?» заданный сбивает с толку. Если мы немного расширим рамки мышления, если не ограничим его только определением понятия счастья, то мы столкнемся с чем-то парадоксальным. Человек достаточно хорошо определяет понятие «несчастье». Для него это неприятности, болезни, горе, неудачи, которые случаются с ним, жизненный путь. И, более того, если они повторяются с завидной частотой, то на них сосредоточены все силы и внимание, а ход жизненного процесса определяется как несчастная судьба, слишком уж. Изучая традиции русского мировоззрения, ученые обратили внимание на особенность восприятия и оценки мира и человека, происходящую от славянских корней. Это свойство называется бинарными противоположностями. Эти контрасты действуют как некоторые излишества любого акта оценки. Такая традиция оценки остается в нашем сознании по сей день, потому что всем знакомы следующие выражения: доля-недоля, правда-ложь (ложь), счастье-несчастье. Когда мы улавливаем эти контрасты, мы сталкиваемся с тем, что, оценивая любую ситуацию, мы тем или иным образом определяем ее как положительную или отрицательную. Стремление найти в этом процессе середину. Неточности, неопределенности и неоднозначные прогнозы, которые в принципе не соответствуют типичному русскому персонажу. Однако способность переключаться из одной крайности в другую неоднократно отмечалась исследователями («Либо пан, либо пропал»). Возвращаясь к определению счастья, предположим, что если несчастье определяется как несчастье, неудача или болезнь, счастье следует воспринимать как противоположное: радостное существование, гармонию, здоровье, удачу. И извлекая из этой системы счастья-несчастья промежуточную, серединную стадию, можно предположить, что при отсутствии у человека характерных для несчастья черт, он пребывает в

состоянии счастливого бытия.

Естественно, этот логический вывод можно воспринимать как грубый и односложный, что жизненные ситуации не так просты и не могут быть ограничены таким простым предположением. Однако в целом такое восприятие счастья, во-первых, снимает проблему недоступности счастья, а во-вторых, позитивное изменение мировоззрения - это осознание того, что главное в счастье - это его наличие. Такое восприятие означает возможность для человека с наиболее продуктивным результатом продвигаться к достижению своих жизненных целей. Аксиологический аспект рассмотрения этого явления также важен при определении понятия счастья. Счастье - это состояние, успех - это счастье как ценность. Восприятие состояния счастья как ценности происходит потому, что оно связано с обретением сознания человека, стремлением к счастью, долгим ожиданием и временем для выполнения определенных действий, а также нестабильностью этого состояния. Уже есть некоторая ценность в том, что достижение чего-то несуществующего, например счастья, удачи, здоровья, благополучия, ассоциируется в умах людей с большой надеждой на лучшее. Если мы принимаем гармонию как синоним или определение счастья, то вполне естественно, что достижение гармонии после нестабильного, неопределенного периода существования воспринимается как благословение, награда за страдания и возможность нового существования.

Современное «счастье» предлагается находить именно в мелочах, в любой желаемой вещи. Наслаждаться даже самым обыденным событием: вовремя вымытый пол, до скрипа начищенная посуда, даже вкусная конфета, напомнившая о возможном отдыхе в экзотическом месте. Счастья можно достигнуть не только через наслаждение, в некоторых случаях нельзя утверждать, что счастье – это мечта, оно не столь глобальное, оно становится «повседневным».

Для русского обыденного самосознания характерно восприятие «счастья» как некоей непредсказуемой стихии, и, как следствие, – стихии ненадежной, о чем свидетельствуют следующие паремиологические единицы:

счастье не лошадь: не везет по прямой дорожке; счастье, что трясье: на кого захочет, на того и нападет; счастье легко на помине не бывает; счастье, что волк: обманет, да в лес уйдет; счастье с несчастьем двор обо двор живут; легче счастье найти, чем удержать; первое счастье не меняют на последнее и т.п.

На фоне подобных представлений о «счастье» вполне естественным представляется сложившееся у русского народа и отразившееся во «фразеологическом языке» определенное «недоверие», осторожное отношение к его поискам, некое «предостережение» от него: *счастью не верь, а беды не пугайся; счастье пытаться – деньги терять; не отведывай счастья, не купи коня хрома; счастье искать – от него бежать* и т.п. Также в обыденном сознании закрепился ряд условий, без которых «счастье» невозможно, наиболее широко из них представлены такие условия, как дружба, общение, правда: *кто дружбу водит, счастье находит; гость на порог – счастье в дом; тому будет всегда счастливо, кто пишет нельстиво; где правда, там и счастье* и т.п. Эти «условия» отражают представление о «счастье», как о том состоянии, которое дается целостной, гармоничной личности. Счастливый человек может выступать образцом.

Счастье всегда несет в себе качество святости. Его приобретение не было простым результатом определенных действий. Счастливый человек отмечен рукой судьбы, это считалось благом с долей ответственности. Такая благосклонность судьбы в сознании человека всегда ассоциировалась со святостью дара счастья, которое следует беречь от невежливого изнасилования. Традиция тщательно скрывать свою доброту проистекает из святости счастья. Раскрыть секрет счастливой жизни человека другим, показать, что улыбка удачи - значит перерезать священную нить, связывающую добрую судьбу. Удача и доброта одного человека к другому обнаруживают их отсутствие, вызывают гнев и ревность. Распространение негативной ауры в таких ситуациях будет означать потерю положительного эффекта, создаваемого состоянием счастья. Этот элемент святости счастья в уме также связан с необходимостью подготовиться к

этой ситуации. Совершенно ясно, что судьба дает тем, кто может принять дар, тем, кто может нести бремя. Счастье выступает наградой за труд, за способность жить по совести и чести, вере и надежде. Ярким примером тому могут служить русские пословицы и поговорки – как настоящий источник народной мудрости – «Счастье без ума – дырявая сума: где найдешь, там и сгубишь», «Счастье у каждого под мозолями лежит», «Счастье скоро покидает, а добрая надежда никогда».

Дизайн в качестве основной основы концепции счастья позволяет нам определить характеристики внутреннего содержания и жизни в данный момент, два основных аспекта в определении проблемы счастья - это счастье как особое состояние и счастье как ценность. Такое толкование данного понятия должно целиком основываться на традиционных чертах характера русского этноса, что позволяет определить особенности трактовки счастья в традициях русской культуры.

Выводы

По-видимому, обобщение взглядов на концепт и его определения в лингвистике позволяет сделать вывод о том, что концепт является единицей коллективного знания / сознания (отсылки к высшим духовным ценностям), имеющей лингвистическое выражение и отмеченной этнокультурными особенностями. Как вы можете видеть, в этом определении и в определениях концепции, представления и значения идеальной области общая черта остается общей, в то время как общие различия (формы знания / сознания - логические / рациональные, психологические / образные, лингвистические) нейтрализуются и заменяются вербализацией и этнокультурной маркировкой. Действительно, терминология словарной единицы «концепт» существует только из-за необходимости этнокультурного расширения семантических единиц - их соотнесения с языковым человеком, который является носителем национального мировоззрения.

Внутренняя фрагментация, «семиологическая интенсивность», коммуникативные отношения, «переживание», «этимологическая память» и т.д., являются производными и могут при желании быть включены в число определяющих признаков концепции языковой культуры, но лингвистическая абстракция здесь кажется особенно важной. Концепция обобщает значения своих словесных приложений - и многоуровневость - определяется диапазоном абстракции в этом наборе практик («протоконцепты» - концепции из одного слова и из нескольких слов). Определенные лингвокультурологические концепции определяются в первую очередь как относящиеся к «повседневной» (лингвистической) или научной области сознания и соответствующей области применения.

Теперь, наконец, можно более или менее определенно ответить на вопрос о том, что такое концепт концепта, концепт понятия, представления, значения и пр. Придерживаясь сформулированного лингвистического определения, этот вопрос не имеет смысла, поскольку предметная область пуста: семантические сущности, соответствующие этим семиотическим терминам, не имеют этнокультурной специфики и не считаются концептами, а понятие концепта является его определением.

Если говорить о представлении счастья и несчастья в русской национальной традиции, то можно отметить что, в славянской литературе четко прослеживается мысль о том, что для достижения счастья иногда требуется прохождение периода несчастья, трудностей и страданий – состояние счастья не дается всем и его нужно заслужить прилагая усилия. Более того, иногда счастье может быть обманчивым и ввести человека в заблуждение, что может привести его к трагичному исходу обстоятельств.

Важнейшая составляющая понятия «счастье» – состояние полного удовлетворения, включает в себя как удовлетворение духовное, которое состоит в ведение добродетельной и разумной жизни, так и материальное благополучие человека и его окружения. Хотя духовной составляющей состояния счастья, конечно, уделяется намного больше внимания.

Это в некотором роде отражает восприятие счастья славянскими общностями, как более сакрального, труднодостижимого, в меньшей степени зависящего от материальных благ состояния и может повлиять на то, что люди, относящиеся к данной этноязыковой группе, реже называют себя счастливыми. Более сложное отношение к счастью можно объяснить и влиянием этики православного христианства, которое описывает путь достижения единения с Богом (состояния полного счастья), как путь самоограничений, страданий, очищения.

ГЛАВА 2

ЛЕКСИКО - СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ КОНЦЕПТОВ «СЧАСТЬЕ- НЕСЧАСТЬЕ»

2.1 Форма и развитие семантики лексем «счастье» - «несчастье»

Часто концепт выражается на языке словом, которое принимает статус названия концепта - это лингвистический знак, полностью и адекватно передающий содержание концепта. Составление словарей понятий основано на

соотнесении понятия со словом. В то же время понятие может быть связано более чем с одной единицей слова и находить выражение, используя разнородные синонимические единицы (лексические, идиоматические), которые определяют его в языке. Происхождение ключевых слов позволяет раскрыть «счастье» - «несчастье», «зародыш», «зерно первосмысла» [39]. Установление слов и идей, примитивно близких к счастью и несчастью, объяснение этимологии этих лексических единиц, их значения и семантических связей (включение их в лексико-семантическое поле судьбы) дают определение их мифологической «сущности». Идея счастья и несчастья как важных составляющих российского общественного сознания ...

Глоссарий разъяснение значений слов «счастье» - «несчастье» корректирует семантическую историю изучаемых концептов, а также позволяет установить особенности современных языковых реализаций.

«Семантическая плотность», т.е. наличие у слова большого числа синонимов, признается концептологически значимой характеристикой [40]. На фоне синонимии выявляются прагмастилистические свойства лексем, репрезентирующих исследуемые концепты.

Также важно установить производную продуктивность словосочетания «счастье» - «несчастье», поскольку это позволяет дать более полное определение понятиям и определить их когнитивные характеристики.

Использование экспериментальных методов исследования (метод прямого толкования слова, реляционный эксперимент) позволяет установить индивидуальное смысловое содержание словосочетания «счастье» - «несчастье», определить степень актуальности внутренней формы данных слов для носителей языка, а также выявить те особенности в представлении счастья и несчастья, которые являются наиболее значимыми для респондентов.

Изучение любого концепта невозможно без обращения к этимологии его лексики. Этимологическая реконструкция позволяет выявить оригинальную образную картину мира. Данные этимологического и исторического словарей помогают раскрыть историю семантического развития слов, представляющих

концепт, позволяя выявить возможные направления дальнейшего семантического изменения.

Анализ значений лексической единицы в разных языках позволяет говорить о синонимах, этимологическом отношении слова к синонимам. Этимология выявляет множество ассоциативных связей, укоренившихся в сознании людей. Он связан с мифологией, поскольку отражает идеи, обычаи, традиции и верования людей.

Согласно данным этимологических словарей, праславянское Бъ-се (белор. «щастя», др.-чеш. «scestie», чеш. «stesti» - «счастье», «sfastny» - «счастливый», словц. «sfastie», «sfastny», польск. «szczęście») восходит к sb: др.-инд. su- «хороший» + cqstb «часть», т.е. «хороший удел», «хорошая часть». По мнению Бернекера, слово «счастье» - первоначально «доля, совместное участие». Эта этимология несомненна для позднего церковнославянского «съчжстьнь» - «причастный» [41]. У И.И. Срезневского «счастье» употребляется в новом значении - «удача», «съчастльвыи» - «благополучный» [42].

Судя по данным этимологических источников, гиперонимом существительных «счастье» - «несчастье» и смысловой архетип соответствующих понятий в составе были даны человеку от рождения богами, так как «путь человека к нему - судьба» [43]. Поэтому определение судьбы как участи связано с представлением о том, что многие люди получают в результате решения высшей силы. Идея распределения сочетает в себе судьбу с разделением. Первый акт распределения интересов, возникающий в момент возникновения каждого человека, в некоторой степени отражается в словах «доля, недоля, участь, удел, счастье, несчастье, удача», в некоторой степени в слове «бог».

Доля человека может не соответствовать склонностям и добродетелям человека и в этом смысле случайна: доля падает, дается только один раз.

Как отмечают В.В. Иванов и В.Н. Топоров [44], разновидности первого члена оппозиции «счастье - несчастье» может быть представлена бессуфиксальной формой, ср.: ст.-польск. «czqsc», в частности, «доля»,

«судьба»; с.-хорв. «чест» (в том же значении); второй член противопоставления может выражаться сложными словами типа: болг. «злачест» «несчастье», с.-хорв. «злочест», «плохой, несчастный» (ср. «честит» - «счастливый»), ср. также злосчастье в известном памятнике русской литературы; с этим же корнем связано другое значение судьбы - участь: Бойся не бойся, а от части (участи) своей не уйдешь.

А.А. Потебня в работе «О доле и сродных с нею существах» отмечает, что корень «чжсть (в скр. hud») - нечто отрезанное, в старославянском, сербском, украинском, русском - «счастье, доля» в хорошем смысле: Сидень сидит, а часть его растет.

По данным Н.М.Шанского и Т.А.Бобровой, «чжсть» - производное от той же основы kend~, что и лат. «scindere» - «отделять, отрезать», лит. «kandu» - «кусаю». Исходное kendtb часть после изменения к в ч перед гласными переднего ряда en и далее «а, dt tt ст [45] . Таким образом, «часть» восходит к корню со значением конкретного физического действия «кус» (Толстая 1994, 143 - 147).

Лексема «доля» также по происхождению связана с семантикой деления: др.инд. «dalam» - «кусочек, часть, половина», ср. также укр. «доля», польск. «dola», ст.-слав. «одолѣти»П родственно лит. «dalia, dalis» - «часть, доля», лтш. «dala, dalis», др-прусск. «dellieis», ст.-чеш. «dole», «s doli»- «счастливо, успешно[46] .Доля - недоля могут соотноситься с противопоставлением счастье - несчастье. В пословицах недоля (бездолье) противопоставляется доле в значении счастья: Недоля пудами, доля золотниками. Вместе с тем, в других фольклорных текстах доля имеет уточнения (добрая, несчастная, лихая, злая доля), что говорит о нейтральном характере лексемы по признаку «оценка»: А долейка наперед до ее идэ, Коли добрая, то ходы зо мною, А коли злая-лихая, не становиса зо мною [47]. Согласно славянским дохристианским воззрениям, счастливой или несчастливой долей человека наделяют божества - Род и Рожаницы. Род - божество славянского пантеона, с которым связана одна из особенностей славянского менталитета - уважение предков, неотделимость от корней.

На это указывает этимология слова «род»: и.-е. корень *uerdh-* (*urodh-*) - «расти, разрастаться, подниматься. Др.-рус. (с XI в.) родъ - «происхождение, семья», «племя», «народ», «родина» [48]. В основе этих значений лежит представление о природе как производящей силе [49]. Идея судьбы сочетается с верой в Родство. Пословицы показывают связь клана с судьбой: Такова наша доля: на то знать мы родились; Кому что на роду написано.

В христианской традиции доля, полученная при рождении, дается человеку Богом: Господня воля - наша доля. Не родом старцы (т.е. нищие) ведутся, а кому Бог велит (приведет). У лексем «доля, часть, участь, удел» актуализируются семы «предопределенность», «невозможность что-л. изменить», «данность», «зависимость от божьей воли».

Отклонение от врожденной доли - это действие чужой злой воли - порча, колдовство. Она связан с заговорами, то есть нечистью, которую тоже можно удалить с христианской точки зрения нечистью. В любом случае уклонение от счастливой или несчастливой доли является нарушением известных человеку правил (носить крестик, молиться).

Доля, удел, участь, счастье, удача, как отмечает Б. А. Рыбаков, относятся к глубокой первобытности и все связаны с дележом чего-то на доли, части, с делением (у-дел, у-делить), с сопричастностью к разделяемому (счастье). Возможно, целью такого подразделения была охота на хищников. Счастье было правом участвовать в этом дивизионе и получать свою долю. В обществе с примитивной коллективной экономикой доля и часть могут означать долю от общего урожая данной семьи. Также, когда вы делите землю на участки, один может быть хорошим, а другой плохим. «Это основная точка появления абстрактных концепций, которые по сути дуалистичны и содержат противоречивые ответы».

Значение «наделение частью» прослеживается и в лексеме «бог». По свидетельству А.А. Потебни, славянское «бог» могло значить «часть, доля, счастье» (от др.-инд. «*bhag* - «делить, наделять», «*bhagas*» - «достояние, счастье»), а потом «божество»; в в.-луж. «*zbozo*» - «счастье», в других

славянских наречиях «събожие» - «имение, богатство», бог-ат «наделенный частью»; «у-бог», «не-бог» то есть- «не имеющий части счастья» [50]. Об этом свидетельствуют и реконструируемые для праславянского варианты противопоставления «обладающий хорошей долей» - «лишенный доли, имеющий плохую судьбу», ср., с одной стороны: bog bogatb, sbozye (польск. «zboze» - «богатство», «хлеб в зерне»; чеш. «zbozi» - «богатство»; в.- луж. «zboze» - «благословение», «благополучие», Бойак» - «счастливчик»; н.- луж. Бойо» - «скот»; укр. «збожжя, збіжжя» - «зерновой хлеб», «имущество», белор. «збожжа» - «зерно, хлеб»), с другой стороны: u-bog ne-bog В сходных значениях могут выступать слова того же корня без отрицательной приставки, ср.: с.-хорв. «богац»- «нищий», болг. «божак».

Представления о счастье и несчастье отражаются в лексемах «судьба», «рок».

В древнерусском языке первым значением слова «судьба» было «суд». Общеславянское *soďba* являлось производным с помощью суффикса -ьБ-а от *soď* (Фасмер, т. III, 794; Преображенский 1959, т. II, 414; Черных, т. II, 216). По происхождению *soď* рассматривается как сращение двух частей: и.-е. *som* - со значением «вместе с» и «dhe dь de» в значении «делать, устанавливать». Ближайшими образованиями от этого корня являются др.-инд. «*samdhis, samdha*» - «договор, связь, объединение». По данным исторического словаря П.Я. Черных, значение лексемы «судьба» эволюционировало следующим образом: правосудие, приговор божий суд предопределение, рок [48].

Славянские понятия рока имеют особенность темпоральности: русск. «рок», диал. «год, срок», зап., южн., укр. «рт», род.п. «року» - «год», блр. «рок», др.- русск. «рокъ» - «срок, год возраст, правило, судьба». Чеш., словц., польск., н.- луж. «гок» - «год» (Преображенский, т. II, 919; Фасмер, т. III, 496 - 497).

«Рок» восходит к глаголу «*rekti*» - «говорить» [48]. Рок - то, что определено, сказано, с другой стороны, рок - срок, указанное время. Рок - то, что определено, предопределено договором, периодом времени.

Представление о судьбе в русском фольклоре состоит из трех компонентов: судьба как высшая власть над людьми; как судьба была дана человеку Богом; Судьба назначена Богом.

Счастье может напасть на человека как болезнь: Счастье что трясеть: на кого хочет, на того и нападет.

Судьба - высшая сила действует как живое существо: ее хозяин, командует. Согласно распространенному мнению, счастье и несчастье обусловлены хорошими и плохими действиями сверхъестественных существ - Доли и Недоли. Несчастье (а также горе, ненастье, беда) демоны предстают как «человекоподобные существа, реже зооморфные». Путешествуют по миру, ищут обреченных на несчастье людей, гонятся за ними, сидят им на шее: Бела (нападая, импульсивно) ходит не по дереву (не в лесу), а по людям. Человек страдает, когда проблема не во сне, поэтому: Не буди лихо, пока оно тихо.

Используя понятие судьбы, данное человеку Богом, осознавая распределение судьбы и, следовательно, счастья и несчастья среди людей, сохраняется смысл подчинения человека судьбе: Бог не гуляет, а добро перемеряет. Кому пироги и хлебцы, а нам клубеньки и шишки. Человек обращается к Богу: «Дай, боже, счастья, не обнеси судьбой. Дай, боже, счастья и доли». Человек может лишиться судьбы - доли как собственности, поэтому: Где нет доли, тут и счастье не велико.

Доля славянского народа - это существо, отличное от человека, которому она принадлежит и что акт обмена, который производит определенные явления в жизни человека, не является сутью повторения одних и тех же действий человека: если счастливый никогда не работает, его счастье работает на него. Человек сам движется, счастлив и грустит, и его доля тоже. Несчастье может вызвать человек, не умеющий правильно понимать и соответствующим образом распорядиться своей долей: например, в сказке о доле один из братьев бедствует, потому что занимается делом, к которому не приспособлена его доля.

Так, образ судьбы - доли как имущества, которым наделен человек и которое он начинает использовать, пересекается с понятием счастья -

несчастья/недоли: С твоим счастьем (с твоей долей) только по грибы (только по грибы в лес ходить). С твоим счастьем - на мосту с чашкой [51].

Можно искать судьбу так, как задумал Бог. Поиск своей доли осуществляется с помощью гадания. Попытки предсказать или испытать судьбу связаны с азартной игрой: укр. «лучити» - «метить», «попадать», блр. «лучыць» - «случиться, попасть», болг. «луча» - «целюсь», словенск. «luciti, lucim» - «бросать, кидать» // Первоначально, «смотреть за чем- л., выжидать», отсюда «метить, попадать, бросать». Родств. лит. «laukiu, laukti» - «ждать», «sulaukti» - «дождаться, получить» [46].

Игра - это ситуация, когда человек переживает и проверяет свое счастье. Распределение доли здесь осуществляется по жребию, а не по решению старейшины: суф. производное от общеслав. zerbb - «кусоч, доля», «кусоч металла или дерева» [41,45].

Практика жеребьевки и предсказания будущего также может служить свидетельством веры в волю судьбы править. Его использовали все индоевропейские народы для решения частных дел и общественных проблем с помощью жребия. Лат. «sors» и немец. «loos» означают жребий, долю, счастье. Жеребьевка – броски вырезанных и отмеченных палочек, чтобы решить спорную проблему, основанную на их местонахождении. Греки, римляне бросали кости; решение было принято с помощью табличек с надписями. Тарелки вынимались из кувшина с водой, и монахи определяли их сокровенное значение. Для немцев много было способов узнать будущее. Согласно Тациту, ветви, отколовшиеся от дерева, были разрезаны на части, и на них были сделаны знаки; эти ветки старец бросал в зависимости от того, как они падали, давал свои результаты.

В этой ситуации неоднозначным представляется соотношение судьбы и случая. В.Н. Топоров указывает на смысловую полярность этих понятий - судьбы, полностью чуждой случайности и случая, никогда не выступающего как необходимость. Пространство между ними «заполнено явлениями «переходно - соединяющего» характера - воля богов, духов, разных сил - добрых, злых,

нейтральных, - которые в одних случаях достаточно мощны, чтобы их принимали как судьбу, а в других - достаточно слепы, (хотя и не абсолютно), чтобы отождествлять их волю с действием случая» (Топоров 1994, 38).

Человек одинаково уязвим перед судьбой и удачей. Разница между ними в том, что судьбоносное решение не будет отменено и, возможно, это не будет судебный приговор. Кроме того, судьбу можно прочесть, узнать, даже если дело находится в «плане судьбы», ее нельзя предсказать. Ученый заключает: либо случай не зависит от судьбы, либо это форма ее проявления. Любое из этих решений говорит о различных формах проявления судьбы, ее неопределенности. Похоже, случай и надежда на удачу играют важную роль в традициях русского языка, желаемом исходе судебного процесса. Однако даже в этом случае решающее слово остается за высшей властью (судьбой, Богом), а это определяет счастливый или несчастный исход любого дела, в том числе и рискованного: Жребий - это суд Божий.

Если человеку удастся изменить ситуацию к лучшему, если он счастлив, он склонен объяснять это азартной игрой, актом «глупого одноглазого» счастья, а не проявлением собственной воли. Вероятно, это связано с моральными и психологическими особенностями восприятия счастья, из-за боязни его потерять, невезения, вызова неприятностей (не всегда осознанного).

В массовом сознании, как отметили исследователи, вера в судьбу неразрывно связана с рождением, браком и смертью человека. Смерть - неизбежное несчастье человечества. В пословицах лексема представлена словом «рок»: Таков наш рок, что вилами в бок. Без року не умереть. Жалеть - не помочь, коли рок пришел.

Мифология судьбы - счастья, мифология судьбы - отражает текст. Звезды на небе - это текст судьбы. Гадание по звездам имеет особое значение для определения счастья и несчастья человека. Так, в алфавитных книгах Рожаницы (девы судьбы) назывались звездами или планетами. Астрологи предсказывали человеческий характер и счастье, основываясь на их местонахождении. Вера в таинственную связь рождения со звездами, их благотворное или враждебное

влияние на судьбу людей была распространена среди многих индоевропейских народов. Согласно древним арийским представлениям, душа была представлена небесной искрой огня или горячей звездой при рождении ребенка. Он определил светлые, светлые и темные дни. Погасла звезда и жизнь человека с ней. Образ звезды как причины счастья и несчастья не раз отражается в фольклоре. Поэтому сын жалуется на долю и возвращается к матери с вопросом, под какой звездой он родился и какое счастье ему даровали при рождении.

В русском языке и сегодня сохраняются выражения «родиться под счастливой/несчастливой звездой; в недобрый час, в лихую годину». Мать богатыря Добрыни Никитича объясняет несчастье своего сыночка «бессчастной звездой», под которой он родился, а Василий Буслаевич приписывает свою богатырскую силу счастливой звезде, которой та его наделила.

С крахом язычества вместо мифологических дев – работниц (Рожениц) появляются ангелы: у каждой звезды есть свой ангел, который отводит место и задает путь.

Легенда о ткани, которую девы судьбы приносят матери новорожденного младенца, говорит о телесной одежде - рубашке, в которой душа человека появляется в этом мире. Эта рубашка действует как оберег для человека. Если его выбросить, ангел-хранитель оставит человека.

Время рождения («хороший» или «плохой час», день или ночь) было причиной счастливой или несчастливой доли человека. Смена дня и ночи, лета и зимы определяется движением солнца, которое называют колесом счастья, потому что от него зависит не только жизнь природы, но и счастливая или несчастная жизнь человека. Колесо - символ непостоянства и изменчивости богини счастья. Счастье ищет свое дитя: «Вздыхнет полегонечку, выше головы, взглянет одним своим глазом, да и бросит с рук, не жалеючи, прямо оземь».

Считается символом радости, бодрости, счастья родится днем; а ночью - горе, сон, смерть. Хорошо родиться на рассвете, ; Родиться на закате - плохой знак. Понедельник до сих пор считается тяжелым и несчастливым днем, так как с древних времен он был посвящен Луне - богине ночи. Таким образом,

счастливые и несчастные предзнаменования сочетались с ежегодным вращением солнца, лето соответствовало дню, а зима - ночи. Возможно, с этим связано и сербское сказание о Судьбе (Усуде), которая жила то в роскоши и богатстве, то в бедности, и поэтому на вопрос бедняка о причине его несчастья отвечала: «Ты родился в сиротинскую ночь - такова и доля твоя» [49,50].

Заслуживает внимания связь счастья и несчастья с противопоставлением «Белобог - Чернобог» и, соответственно, «белый - черный» [44]. Представление о счастье как о чем-то светлом, ярком реализуется в пословицах лексемами «солнце», «красно солнышко», «ведро» (хорошая погода), «день»; несчастье представлено лексемами «гроза», «вечер», «ненастье», «ночь»: Придет солнышко и к нашим окошечкам. Будет день, будет и ночь (и наоборот). После ненастья солнышко. Где гроза, тут и ведро. Наряду с лексемами «судьба», «рок» Б.А. Рыбаков выделяет слово «среча» («сържца», «среда») и объясняет его значение такими производными как «нареченная невеста», «обреченный».

Как и горе, лихие, злые люди - тоже мифологические существа, олицетворяющие несчастье. Злыдни - это маленькие существа, которые своим маленьким ростом и беспокойным характером напоминают злых эльфов, кикимор. Зловещие люди селятся в домах, живут за печкой. Как неприятности, они приходят к человеку в большом количестве: Он ходил три дня, зло приносил. Они сильно привязчивы, как гласит белорусская пословица: Впросилися злыдни на три дни, а в три годы не выживешь.

2.2 Особенности словообразования лексем «счастье» - «несчастье»

Номинативная функция языка выполняется в рамках существующих языковых знаков. Часто новое номинативное средство генерируется из существующего, потому что механизм словообразования играет важную роль в функционально-когнитивных процессах. Изучение словообразования и лексической мотивации позволяет осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова, а также понять его внутреннюю формально-

семантическую организацию как способ отражения того, внеязыкового содержания.

У словосочетаний «счастье» и «несчастье» много вариантов. Таким образом, прилагательное «счастливый» имеет следующие значения :

- испытывающий счастье, находящийся в состоянии счастья: Я пошла спать, счастливая от мысли, что завтра... будет хорошая погода (Л. Толстой);

- Счастливый - субстантивированное прилагательное: Счастливые часов не наблюдают (Грибоедов. Горе от ума);

- Счастливый - выражающий счастье, вызванный счастьем: По лицу Давыдова побежала, тепля глаза, счастливая улыбка, радости он не мог скрыть (Шолохов. Поднятая целина);

- благополучный, полный счастья, радости: Этой нотой начиналась та вдохновенная мелодия, которой, в ту же самую счастливую ночь, Лемм... привел его в такой восторг (Тургенев. Дворянское гнездо); приносящий радость, счастье, доставляющий наслаждение: Парторг привлек к себе Алексея, оторопевшего от счастливого известия (Ажаев. Далеко от Москвы);

- такой, которому благоприятствует счастье, успех, удача: Редко случалось, что это [выигранное] было довезено домой; почти в тот же день спускалось оно все другому, счастливейшему игроку (Гоголь. Мертвые души);

- приносящий (принесший) счастье, успех, удачу: [Жене] приятно было, что он назвал только серию и не спешит узнать номер счастливого билета (Чехов. Выигрышный билет);

- благоприятный, способствующий счастью, удаче, успеху: Дрейяну удалось завернуть... в переулок, вылучив счастливую минуту, когда все внимание... обратилось на аббата (Герцен. Долг прежде всего); благополучный, успешный: [Граф] возвратился поздно, узнал о счастливом разрешении супруги и был очень доволен (Пушкин. Арап Петра Великого);

- удачный, хороший: [Поэт] был счастливой наружности..., лет тридцати восьми, одевался безукоризненно (Достоевский. Идиот, IV, 6). Прилагательное «не-счастливый» (счаст -е счаст-ливый не-счастливый) имеет значения [52]:

- незнающий счастья, радости, несчастный: Она писала: « Я больна и несчастлива. Я не могу выезжать, но и не могу более не видеть вас. Приезжайте вечером» (Л. Толстой. Анна Каренина). Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по- своему (Л. Толстой. Анна Каренина);

- приносящий несчастье, неудачу: Выдался нынче денек несчастливый: Даром в болоте промок до костей (Некрасов. В деревне);

- такой, которого преследует неудача, неудачливый: Кирила недурный стрелок, но охотник - несчастливый (Куприн Лесная глушь);

- в значении существительного: Приходили поезда, уходили. Счастливые уезжали на буферах, на крышах. Несчастливые бродили по станции целыми неделями, метались в бреду по ночам [53]. С другой стороны, слово «несчаст-ный», образованное от «не-счасть(е)» [54] имеет значения [55,56,57]:

- испытывающий несчастье, лишенный счастья, радости, терпящий беду, горе: Я бродила по дому, несчастная и испуганная, и горячо молилась, чтобы папа выздоровел;

- несчастный в значении существительного: Никогда еще несчастная, попавшая в беду девица не пробуждала во мне подобного участия;

- выражающий горестное, скорбное состояние: Когда Самира вернулась в комнату, вид у нее был глубоко несчастный;

- несчастный в значении существительного. Устар. Сострадательное название заключенного, каторжника: Около сибирской границы слово «ссылный» исчезает и заменяется словом «несчастный» (Герцен. Былое и думы);

- заключающий в себе несчастье: Но вы, к моей несчастной доле, Хоть каплю жалости храня, Вы не оставите меня (Пушкин. Евгений Онегин);

приносящий, предвещающий несчастье: Эта несчастная страсть привела к происшествию, о котором, вероятно, еще помнят в стороне, где оно наделало так много шума; доставляющий неприятности, приносящий неудачу, злосчастный, злополучный (разг.): Я должен был ускорить мой отъезд, так как предвидел, что эта несчастная кончит тем, что будет стоить мне жизни, если мы еще останемся в этом городе.

Как показывают приведенные выше ситуации, основным признаком слова «несчастный» является ситуация (печальная, трудная), а также причина и внешний признак такой ситуации. Напротив, в определении лексемы «несчастливый» присутствует счастье - душевного состояния и счастья - удачи: ср. счастливый - тот, кому благоприятствует удача; то, что приносит удачу, успех, в отличие от слова «несчастный», которое не имеет значения «тот, кому не везет», а значение «то/тот, что приносит неудачу, неуспех» указано с пометой «разговорное».

Использование полных и кратких форм прилагательных в прогнозирующей позиции: «Я счастлив (я не) несчастен», полная форма, фиксированная, полная характеристика предмета и краткая форма (Я (я) счастлив, несчастен) - это одноразовая временная ситуация. Краткая форма обозначена формальными и функциональными ограничениями: она не наклонная и используется в современном русском языке только в качестве функции-предиката, но не атрибута (определения). Кроме того, краткая форма имеет семантические ограничения, зависящие от используемой темы - возвышающий человек.

Прилагательные «не-счастливый», «несчастный» могут описывать различные смысловые категории существительных: имена лиц, живых существ, предметов, явлений, характеристик и состояний. Вектор семантики, в основе которой лежит метонимический перенос, разнонаправлен. Счастливый, несчастливый, несчастный - изначально это характеристика субъекта, способного испытывать эмоции. При определении прилагательными «счастливый, несчастливый, несчастный» имен лиц, предметов и явлений

семантический перенос движется от субъекта к объекту, т.е. от состояния к его причине. Счастье - удача (несчастье - невезение) - свойство внешнее по отношению к субъекту, и при определении имен вектор метонимии направлен от объекта к субъекту (о подобного рода переносе в значении лексики «счастливей» см.: [33]).

Глагольные реализации концепта «счастье» представлены глаголами «счастливей-и-ть»(устар), «счастливей-ся», «о-счастливей-и-ть», «осчастливей-ивать», «осчастливей-ивать-ся», «по-счастливей-е-ть», «по-счастливей-и-ть», из которых в современном русском литературном языке наиболее часто встречается форма «посчастливей-ся» в значении «удаться, счастливо сложиться для кого-н.», а также «осчастливей», т.е. «сделать счастливым, очень обрадовать» [33,58].

Таким образом, словообразовательный потенциал лексем «счастье» - «несчастье» определяется использованием морфологического (суффиксального, префиксального и префиксально-суффиксального) способа образования слов, а также субстантивации. На уровне словообразования счастье и несчастье соотносятся по принципу антонимической симметрии. Рассмотренные производные и семантические особенности производных слов «счастье» - «несчастье» обнаруживают некоторые различия. Существование двух слов как синонимов (несчастней - несчастливый) не означает их точной семантической эквивалентности, вытекающей из смысла их производства.

Отсутствие словесного воплощения понятия «несчастье» в современном русском языке и наличие его в словаре В.И. Даля указывает на возможный источник происхождения этого понятия (без частить - лишиться удачи, поделиться), а также на нечеткость этого источника в современном русском языке, в отличие от понятия «счастье», словесное воплощение которого ((о) счастливей - наделить счастьем, унести) хоть и нечасто, но приводится в словарях современного русского языка.

2.3 Анализ синонимических лексем «счастье» - «несчастье»

Значение слова может быть определено через его значимые (дифференциальные) семантические свойства и представлено как набор дифференциальных, интегральных и потенциальных значений. Компонентный анализ лексического значения позволяет нам моделировать парадигму значения как полифонического слова, так и разных, но семантически похожих слов; потому что концепт относится к более чем одной словарной единице.

Линия синонимов слова «счастье» представлена следующими единицами:

- счастье - высшая степень блаженства. Использование этого словаря типично для религиозного дискурса. Тексты очень личного характера. Возможно, поэтому прилагательное «блаженный» в значении «счастливый» не используется в утверждениях от первого лица, а блаженство попадает в текст не явным, а логически мотивированным причинно-следственным мотивом: «Счастлив (не блажен) тем, что целовал я женщин», но «Блаженны (не счастливы) плачущие, ибо они утешатся» [33].

- благополучие - состояние удовлетворенности, жизнь в довольстве, безопасности, без сбоев и потрясений (материальное, семейное благополучие): Благополучие еще не счастье, а только гарантия, что хуже не будет [59]. В «благополучие» включены признаки: достаток, спокойствие, уверенность;

- благодать, благоденствие, доброденствие (устар., книж). Помимо сем «спокойствие, достаток», в этих словах актуализируются признаки «красота», «мир, согласие». В короткое время благоденствие их превзошло всю надежду, ибо земля их была плодородна и природные жители приняли их благосклонно. И так не благорастворение воздуха и плодородие земли доставляют благоденствие народу;

- идиллия - говорится о мирном, безмятежном существовании (в современном обиходе - часто иронично): [поручик] самодовольно отдыхает среди этой домашней идиллии, полулежа на софе [60];

- удача - совокупность благоприятных, способствующих успеху обстоятельств, счастливый случай: В то время удача еще не помрачила его духа:

приняв ее в начале очень скромно и мудро, он, в конце концов, не выдержал ее величия[61];

Рассмотренные последовательности синонимов позволяют нам сделать вывод, что чувство гармонии, благополучия, интенсивности, характеризующееся относительным постоянством, приятным эмоциональным подъемом, может варьироваться от трезвого выражения до бурной радости. Порядок приятных ситуаций может варьироваться: от удовольствия к радости, от удовлетворения, от веселья к счастью как наиболее интенсивному и всеобъемлющему состоянию. Радость играет важную роль в балансе счастливой жизни. Счастье и радость объединяет их принадлежность к категории «высокого». Сходство между ними проявляется и в характере метафоризации: счастье, как и радость, может захлестнуть человека; прилив счастья / радости, человек может светиться счастьем, радостью. Однако, несмотря на «психологическое и языковое» сходство с радостью, счастье является самостоятельным и очень важным концептом для русской языковой картины мира.

Счастье - это "гибридная категория": трактуется ли оно как "удовлетворение жизнью в целом" (Рэшдолл) или как положительная оценка собственной судьбы - в любом случае здесь присутствует, с одной стороны, состояние духа субъекта, с другой - внешние обстоятельства, его определяющие. Любая из этих двух основных фелицитарных составляющих, в принципе, может отделяться от другой и гипостазироваться: счастье без своего субъективного момента - это удача, везение, фортуна, благополучие, оно же без своего объективного момента - блаженство.

Перечисленные выше лексемы являются синонимами слова «счастье», связанного с получением удовольствия или блаженства от счастливой жизни. Удовольствие, в отличие от наслаждения, может относиться к «высокой» сфере и стоять в одном ряду с истинным счастьем.

Синоним «судьба - удача / талант - фортуна» указывает на возможный внешний источник человеческого счастья. Связь счастья с судьбой, удачей и фортуны также придает ему такие признаки, как иррациональность,

непредсказуемость и предопределенность. Счастье возникает как некая сила, воздействующая на людей извне. Линия синонимов лексической единицы «счастье» отличается стилистической неоднородностью: слова, относящиеся к счастью - статус человека нейтральный или книжный, относится к устаревшей лексике; Слова, описывающие счастье как нечто данное свыше, иррациональное, способное влиять на человека, относятся к нейтральной или разговорной (местной) лексике.

Следовательно, счастье может быть как ситуацией, переживаемой человеком, так и источником этой ситуации.

Синонимичный ряд лексемы «несчастье» представлен следующими единицами:

– беда – большое, неожиданное несчастье, событие с тяжелыми последствиями: Беда только, что таких вот крепких, хозяйственных мужиков было очень уж мало, совершенно ничтожный процент от общего числа. [62];

– бедствие – большое несчастье, очень тяжелое событие с губительными последствиями, касающееся обычно многих людей (часто - во мн.ч.): Москвичи еще только начинают по-настоящему понимать, какое бедствие ожидало их и от какого несчастья они освобождены;

– горе – большое несчастье (обычно в семье, в личной жизни человека, причиняя ему глубокую душевную боль, страдания)

–удар (удар судьбы) – внезапное горе, несчастье, неожиданная неприятность, сильное потрясение: Ему казалось, что вот, того и гляди..., неожиданный удар судьбы мигом разрушит великолепный мир блаженства (Гончаров). Ср.: рок (высок.) - судьба, грозящая бедами и несчастьями;

– невзгоды, злоклучения (книжн.) – о полосе неприятных, горестных событий: Это было время больших и смелых начинаний, которые в какой-то мере скрашивали наши жизненные невзгоды (С. Маршак. Воспитание словом). У меня было в жизни еще четыре подобных злоклучения, и каждый раз меня спасала моя счастливая судьба, а не какое-либо усилие с моей стороны [63];

– злополучие (синоним к слову «несчастье» в XIX веке) – тяжелые, неблагоприятные обстоятельства, в которых оказался человек.

– злосчастье, бездолье (устар., наро.-поэт.): Завтрашний день ничего не сулил им, кроме нищеты и бездолья [64];

Приведенный синонимический ряд позволяет выявить следующие отличительные признаки несчастья: 1) несчастье - тяжелое, чаще всего неожиданное событие; 2) лексема «горе» определяет несчастье как душевное переживание, страдание (горе - «неприятное, жгучее чувство»; от «гореть, жечь» [65,66]; 3) лексемы «напасть», «лихо», «злосчастье» отсылают к представлению несчастья - мифологического существа; в лексеме «бездолье» отражается этимология слова «несчастье»

Анализ синонимов слова «счастье» - «несчастье» позволяет выявить:

- слово «счастье» есть постоянным значением синонимической линии состояния гармонии;

- «несчастье» - это событие: оно подчеркивает его неожиданность, свою трагедию. Лексическая единица «горе» несет дополнительную смысловую нагрузку - эмоциональное переживание;

Общая неизменность значения синонима «счастье» - «несчастье» является олицетворением действия абсолютной власти судьбы, являющейся первоисточником счастливых и несчастных событий в жизни человека.

2.4 Счастье и несчастье: сочетаемость и употребление

Анализ совместимости лексических единиц в языке, объективирующем концепт, позволяет определить некоторые компоненты концепта. Совместимость слова позволяет нам формулировать способы категоризации концептуального феномена и формулировать значимые свойства, которые являются частью структуры концепта [67].

Счастье представляет собой самостоятельный и очень важный для русской языковой картины мира концепт. Исследованию данного концепта посвящен ряд

работ. В результате выяснены доминирующие признаки указанного концепта и выделены основные идеи, лежащие в основе «русской мифологемы счастья» [68]:

«(I) счастье – это земное блаженство;

(II) счастье где-то есть, но ему нет места в жизни здесь и сейчас;

(III) счастье нельзя приобрести каким-то алгебраическим образом (заслужить, заработать и т.п.), его можно либо случайно найти, либо оно может на человека свалиться или выпасть ему;

(IV) счастье – это немного стыдно» [68]

Установлено также: «В целом счастье русский человек оценивает не очень высоко, понимая его капризность, быстротечность...» [69].

Важно сближение осмысления счастья и авось: «...рассчитывать на счастье в традиционной русской картине мира близко к тому, чтобы надеяться на авось, и подобно расчёту на авось может оцениваться невысоко» [70].

Результаты получены, прежде всего, при анализе совместимости слова «счастье»; это «в неподтвержденной форме того, что выражается им, то есть с помощью притяжательных местоимений, или с использованием какой-либо метафорической модели. В других примерах слово счастье может означать только вероятное состояние, которое не совпадает с реальным то есть в прошлом, или в будущем, или в альтернативном мире, который не был реализован ... Таким образом, невозможно объяснить, что идея о том, что в мире нет счастья, нашла отражение в русском языке» [68]

Перечисленные в приведённых выводах идеи являются основополагающими для данной дипломной работы, цель которой заключается в попытке несколько конкретизировать некоторые из них на основе сочетаемости слов, чтобы в последующем выявить русский языковой образ «счастье- несчастье» наиболее возможном полном объёме.

Связь между этимологическим и современным значениями слова, видимо, уже не может быть осознана. Более того, можно наблюдать как разрушились

антонимические отношения, которые, вероятно, были представлены как счастье – несчастье. Однако для современного языка, «наиболее употребительная семантически однородная и стилистически нейтральная симметричная пара антонимов» [5, с. 33] уже не только и не столько счастье – несчастье, хоть фонетическая ассоциативность весьма сильная, сколько счастье – горе, так как последняя пара объединена (в первом значении) гиперсемой ‘чувство’, чего нет в первой (счастье ‘чувство’/ ‘успех’, а несчастье ‘событие’). Другими словами, пара счастье – несчастье не так симметрична, чем пара счастье – горе; см: счастье «1. Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения. 2. Успех, удача» [8]; несчастье «1. Горестное событие»; горе «1. Скорбь, скорбная печаль. 2. То же, что несчастье [8]; 3. Горе-... В сочетании с существительным означает: плохой, неумелый (разг., ирон.)» [8]

Концепт счастья рассматривается как нечто существующее или несуществующее: счастье есть, счастья нет. Однако важно отметить, что наличие / отсутствие счастья у конкретного человека, для которого русский язык является родным, считается predetermined вещью: *Он создан для счастья.*

Также важно оценить и отразить в сочетаемости соответствие «ситуативного» счастья своему эталону счастья с точки зрения его достоверности. При этом фиксируется:

- а) «реальное» и полное совпадение с ним: истинное счастье, подлинное счастье;
- б) «нереальное» и соответственно неполное, поскольку воспринимается только внешнее, формальное совпадение: призрачное счастья, иллюзорное счастье, иллюзия счастья.

Концепт «счастье-несчастье» также соотносится:

- 1) с образом человека вообще (Счастье улыбнулось), в том числе с образом путника: *Счастье придет и на печи найдёт; Счастье с несчастьем сошлось – ничего не осталось;*
- 3) с образом жидкости (вероятно, воды): *Счастье переполняет, наполняет, заполняет, нахлынуло; прилив счастья;*

- 4) с образом предмета, изливающего свет: *счастье светится в чьих-то глазах; лицо сияло счастьем;*
- 5) с образом очевидно проявляющегося, подобно написанному: *счастье написано на лице;*
- 6) с образом птицы: *Мимолётное счастье, счастье – вольная птица: где захотела, там и села, Счастье на крыльях, несчастье на костылях;*
- 7) с образом волка: *Счастье что волк: обманет да в лес уйдёт;*
- 8) с образом чего-то падающего сверху: *Счастье вдруг свалилось и др*

Отношения счастья с человеческой волей представлены в структурах, где счастье используется как объект действия. Следовательно, он определяет активную позицию человека в отношении счастья в выражениях «искать счастья», «обрести счастье», «достичь счастья», «стремиться к счастью». В пословицах счастье выступает как объект: *Счастья не поищешь, счастье не придет. Кто за счастье борется, к тому оно и клонится. Раньше жили - слезы лили, сейчас живем - счастье куем.*

В словах «заслужить», «дорожить», «ценить» выделяется аксиологический аспект счастья.

Что касается несчастья, человек проявляет интуицию и здравый смысл (ждать, угадывать, предсказывать), что тоже возможно в отношении удачи: *Счастье видишь - смелее идешь.* Как и в случае со счастьем, человек может действовать по-разному в отношении несчастья: ждать, терпеть, избегать, избегать.

Оценивая собственное счастье и несчастье, человек придерживается единственно возможной точки зрения: счастье - это желанная вещь с абсолютной ценностью; Несчастье - это очень плохо и тяжело, его нужно избегать, что довольно сложно сделать, потому что: *Где беде быть, там ее не миновать. От притчи на коне не уйти.*

Что касается счастья и несчастья других людей, оценки могут быть противоречивыми: радоваться чьему-то счастью, желать кому-то счастья,

завидовать счастью. В обоих случаях счастье - это ценность, но отношение к нему и к человеку, которому оно принадлежит, разное: положительное, «светлое» или отрицательное, «темное».

То же можно сказать и о несчастье: сочувствовать чужому несчастью, чтобы быть равнодушным к чужим несчастьям.

Как известно, в фольклорной традиции счастье может приобретать черты: слепое, глупое, дурацкое, ослиное счастье. Однако такое негативное отношение к счастью не исключает его ценности, оно оправдывает нелогичность, непредсказуемость и несправедливость счастья.

Сочетаемость с глаголами «приносить/принести» устанавливает причину счастья и несчастья. Наиболее вероятный источник счастья - удачи - это любой предмет или знак, который действует как талисман (счастливое кольцо, число и т. д.), сохраняющий счастье конкретного человека. Источником несчастья может быть предмет или другой человек. В этом случае несчастья могут быть вызваны тем, что один человек вмешивается (частично) в счастье другого, следовательно: *Кто ни шасть - все на мою часть*.

Счастье и несчастье выступают как живая, всеобъемлющая сила: счастье выпало (разг.), свалилось, переполняет кого-либо; несчастье свалилось (разг.), постигло, обрушилось, преследует. Большое, огромное, неожиданное, настоящее счастье /несчастье; великое счастье - страшное, ужасное (разг.) несчастье. Счастье с несчастьем близко живут. Беды вереницами ходят. Счастье придет - и на печи найдет. Счастье многих обманывает. Счастье шапкой не словишь. Счастья на деньги не купишь. Счастье в оглобли не впряжешь. Счастья духовною не укрепишь.

Отличительной чертой лексического слова «счастье» является его последовательное употребление и отражение внешнего проявления этого состояния: сиять счастьем, светиться от счастья, счастье светится в глазах, написано на лице. Ср., в пословицах: Счастье пучит, беда крючит. Счастливым скачет, несчастный плачет.

Комбинация «мечты / воспоминания о счастье», «желание счастья» указывает на это слово в гипотетической, возможной, но нереальной ситуации. О несчастье, в отличие от счастья, можно сказать, рассказать, узнать, услышать, то есть несчастье требует принадлежности, делимости, распределения, ср. : «товарищ по несчастью» но нет «товарища по счастью». Это отражает национальный характер России - ее готовность рассказывать о своих проблемах и опыте.

Несмотря на заявленную в языковой картине мира репрезентацию «непослушания,неподчинения» счастья человеку, в общем падежном сочетании слова счастье и притяжательного местоимения широко используется прилагательное или семантически эквивалентное существительное: моё (наше, твоё, ваше, его, её, их)счастье, собачье счастье, счастье собаки, человечесь счастье, счастье человека, Володькино счастье, счастье Володи. Важно отметить, что высокая частота использования имен собственных является еще одним доказательством концепции счастья как чего-то, что нравится не всем. Напротив, сочетание нарицательных существительных в форме общих существительных и притяжательных прилагательных, образованных от этих существительных, и слова «счастье» служит для выражения типов этой эмоции по уровням.

Лексическая единица «счастье» используется в основной части сложного предложения с пояснительным подразделом: счастье, которое (если) В этом использовании, помимо положительной оценки события, отраженного в пояснительной части, отрицательная оценка также подразумевает соответствующее противоположное событие: если бы этого не произошло (если это не произойдет), то было бы (то будет) плохо. Включение притяжательного местоимения в атрибут (мое, ваше счастье и т. Д.) Определяет значение лексемии «счастье» как счастье-удача: удачливый (удачливый) кому-л., Что случилось (если это случилось) так, а не иначе ...

Счастье и несчастье могут употребляться в функции вводного слова (к счастью, к несчастью, по счастью, на несчастье) и передавать соответственно положительную или отрицательную оценку содержания высказывания

говорящим. Осложнение вводного оборота притяжательным местоимением (к твоему счастью, к несчастью для них) определяет счастье как удачу, несчастье - как нежелательное событие. Оборот «на счастье» чаще передает пожелание удачи: Дай, Джим, на счастье лапу мне, /Такую лапу не видал я сроду (Есенин).

Поскольку счастье преимущественно воспринимается как очень независимое и непредсказуемое, его обычно не ждут, и появление такого чувства было бы для него чудесным сюрпризом: *нечаянное счастье*. Однако нельзя признать, что это достоверно: Счастье ему изменило.

По словам Л.О. Чернейко, изучение совместимости абстрактного существительного с описательными глаголами и описательными прилагательными помогает извлечь одну или несколько неявных сведений, вызывающих совместимость. Таким образом, возникают гештальты, раскрывающие глубокие связи абстрактного имени с материальным миром и устанавливающие семантические и прагматические сходства и различия между абстрактными именами. Кроме того, установление валентности слова имеет большое значение при изучении русского языка как иностранного, поскольку наличие тех или иных сочетательных особенностей у данного слова является скрытым для не носителя русского языка.

Определение сочетания сильных сторон слов «счастье» и «несчастье» позволяет нам определить концептуально важные признаки счастья и несчастья. Таким образом, счастье и несчастье характеризуются на основе «оценочного». Человек описывает собственное счастье как нечто ценное, чужое счастье может принимать характеристику «хорошо - плохо (зависть)». Их несчастье склонно характеризовать как нечто плохое, трудное. Чужую беду можно представить в виде оценок «плохо (сочувственно) - безразлично».

Выводы

Анализ этимологии лексиконов, представляющих понятия «счастье» - «несчастье» и сохранившихся в наивной картине мира мифологических

представлений, позволяет определить следующие семантические и национально-культурные характеристики исследуемых концептов:

- Счастье и несчастье входят в лексико-семантическое поле судьбы, это важная составляющая понятия;

- В массовом сознании счастье и несчастье выступают как мифологические существа вместе с другими персонифицированными воплощениями судьбы (доли). Поиск ответа на вопрос об источнике счастья и несчастья приводит к объединению в сознании личного чувства счастья - несчастья и мифологического существа как источника этой эмоции;

- В народном сознании синонимами счастья и несчастья являются: доля (в пословицах доля - счастье, недоля - несчастье), звезда, (у)часть актуализируют признак «предопределенность»; жребий актуализирует признак «случайность», а также «данность свыше».

Счастье может быть представлено в лексемах «встреча, время, день, солнышко», несчастье - лексемами « несреча, безвременье, вечер», которые определяют появление счастья и несчастья в определенное время. Счастье представляется таланом, т.е. удачей, счастливым стечением обстоятельств.

В этих словах отражается иррациональная природа счастья и несчастья.

Как отмечалось ранее, счастье и несчастье связаны с процессом фрагментации, когда все распределяется между членами одной группы. Счастье может заключаться в совместном участии или в хорошем эпизоде; Несчастье соответственно - невозможность участвовать в дележке и получить свою долю. Предметом этого раскола является некая высокая сила. Это может быть самый крупный из клана или сообщества с самого начала; Может быть бог силы, дающий человеку долю счастья или несчастья: Род - Бог в христианском учении. Цель воздействия этой силы не должна противоречить воле высшей силы, которая может проявлять свою волю (стремление к своей доле, счастье), но не. Проявление своенравия, неумение понять, что предвидится, что задумано - все это может быть причиной человеческих несчастий.

Лексико-семантический анализ словосочетания «счастье» - «несчастье» подтверждается данными, полученными в ходе экспериментального исследования; это позволяет создавать синонимы и определять значимые семантические свойства искомой лексики, которые важны для носителей языка.

Важность концепции счастья (и, следовательно, образа счастья), упомянутой в исследованиях, ясно видна, если сравнить частоту употребления слова «счастье» с использованием слов «несчастье» и «горе». В любом случае количество употреблений слова «счастье» преобладает. Это говорит о том, что русскоговорящие придают больше значения положительным эмоциям, чем отрицательным.

ГЛАВА 3

ЛЕКСИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ «СЧАСТЬЕ - НЕСЧАСТЬЕ» В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

3.1 Анализ группы пословиц и поговорок: Взаимообусловленность счастья и несчастья

Пословица – малая форма народного поэтического творчества, облачённая в краткое, ритмизованное изречение, несущее обобщённую мысль, вывод, иносказание с дидактическим уклоном. Поговорка – словосочетание, отражающее какое-либо явление жизни, один из малых жанров фольклора. Пословица отмечает свойства людей, указывает, как человек должен поступать. Ей свойственно оценочное содержание. Помимо смысловой нагрузки, пословицы и поговорки делают речь яркой и выразительной.

Возможными стратегиями объяснения основных концепций культурного и языкового сознания в рамках лингвистического подхода являются как представление отдельных концепций, основанных на полном потенциале

фоновых знаний носителей языка, записанных в устной и письменной культуре, так и конкретных концепций на конкретном лингвистическом материале.

В данной дипломной работе выбран второй подход для определения понятий «счастье» - «несчастье»; это пословицы, позволяющие получать данные о картине мира русского мира на основе анализа семантически неотъемлемой части языковой и культурной традиции. Наиболее полное понимание того или иного понятия, которое складывалось в течение длительного периода времени и изменяется в зависимости от места, времени и условий проявления концептуальных существ в жизни людей, можно найти в пословицах.

Предполагается выявить характеристики известного представления концептов «счастье» - «несчастье», определить совместимость лексических единиц «счастье» - «несчастье», определить характерные синтаксические структуры пословиц и проследить эффект различия информативности и истины. Определение концептуально важных характеристик счастья и несчастья.

Пословица - это решительное, ритмично и грамматически организованное изречение в форме высказывания, в котором записаны переживания людей и их оценки определенных жизненных событий.

Пословицы отражают жизнь людей, как современных, так и исторических, примитивных, информируя нас о суевериях, нравственных правилах, окружающем мире, людях, отношении к ним. Можно проследить мифологическое мировоззрение в пословицах о счастье и несчастье.

Рассматривая картину мира блаженного на языке пословиц и поговорок, необходимо учитывать антропоморфный характер паремической семантики. Пословицы отражают истину, которая напрямую связана с особенностями психологических особенностей личности человека, его мировоззрения. Анализ пословиц также позволяет уточнить когнитивные характеристики изучаемых понятий, «природу и характер» счастья и несчастья, определить роль людей в их жизни, выявить возможные противоречия и парадоксы в их интерпретационных слоях.

Комплексный анализ структурно-семантической организации пословицы учитывает наличие у нее смысла, связанного с одним или несколькими понятиями: например: значение пословицы «После ненастья приходит и счастье» можно отнести при различном прочтении с концептами «терпение», «вера», «судьба», «надежда».

Неразрывная связь между формой и содержанием пословицы обусловлена не только ее постоянством, но и обобщенностью ее смысла, то есть всей личности и панхронического (всего временного) направления действия - ситуаций. Формальным средством выражения обобщения известной структуры являются группы слов, не способные конкретизировать ее содержание.

Отбор пословиц и поговорок для анализа проводился в два этапа. На первом этапе работы над материалом методом сплошной выборки из словарей.

На втором этапе работы пословицы и поговорки подверглись минимизации за счёт исключения из их состава некоторых повторяющихся единиц, в том числе устаревших единиц, единиц с лексикой, а также синонимичных единиц.

В результате для нашей дипломной работы было отобрано 90 русских пословиц и поговорок. Список всех русских пословиц и поговорок, выбранных для анализа в данной работе, приведен в Приложении №1.

В результате проделанной в этой диссертации классификации отобранных пословиц и поговорок сформировалось 25 тематических групп:

- 1) взаимобусловленность счастья и несчастья;
- 2) индивидуальность счастья и несчастья;
- 3) соотношение счастья и денег;
- 4) соотношение счастья-несчастья и ума;
- 5) соотношение счастья человека и божественного участия в нём;
- 6) зависимость обретения счастья от самого человека;
- 7) соотношение счастья и зависти;
- 8) соотношение счастья и беды;
- 9) счастье и жизнь/смерть;
- 10) соотношение счастья и горя.

- 11) непостоянство, ненадежность счастья;
- 12) отношение к счастью / осознание счастья;
- 13) понимание счастья;
- 14) соотношение счастья и смелости;
- 15) соотношение счастья и судьбы.;
- 16) соотношение счастья и труда;
- 17) соотношение счастья и дружбы;
- 18) соотношение счастья и доброты.
- 19) соотношение счастья и дома;
- 20) независимость обретения счастья от воли человека;
- 21) соотношение счастья и субъективности / неразборчивость счастья;
- 22) двойственность счастья;
- 23) соотношение ожидания счастья и воли, терпения;
- 24) естественность для человека состояния счастья;
- 25) способы получения счастья;

После классификации этих пословиц и поговорок мы обнаружили как концепты «счастье-несчастье» отражают разное понимание в осознании этого понятия.

Русские пословицы и поговорки говорят о близости счастья и несчастья друг к другу. Пословицы указывают на то, что счастье и несчастье едут вместе. В русских пословицах больше выражено единство существования счастья и несчастья.

В следующих пунктах мы рассмотрим пословицы и поговорки не только тематически, но и с точки зрения их вербальной и синтаксической организации.

Кроме того, будут рассмотрены языковые, синтаксические и стилистические варианты и способы выражения смысла.

Для анализа выбрана группа «Взаимообусловленность счастья и несчастья». В этой группе 12 русских пословиц и поговорок:

1. *Счастье и несчастье на одном полозу едут.*
2. *Счастье с бессчастьем(несчастьем) в (на) одних санях ездят.*
3. *Было бы [и] счастье, да одолело несчастье.*
4. *Счастье ума прибавляет, а несчастье последнее отымает.*
5. *Счастье - на костылях, несчастье - на крыльях.*
6. *Не было бы счастья, да несчастье помогло.*
7. *Счастье - на крыльях, несчастье - на костылях.*
8. *Счастье с несчастьем в одних санях ездят.*
9. *Счастье с бессчастьем смешалось - ничего не осталось.*
10. *Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло.*
11. *В счастье живёт несчастье, в несчастье таится счастье.*
12. *Счастье добродетельно, несчастье злонамеренно*

В трёх пословицах этой группы: *Счастье и несчастье на одном полозу едут, Счастье с несчастьем в одних санях ездят, Счастье с бессчастьем (несчастьем) в (на) одних санях ездят* - есть единство: способа передвижения счастья и несчастья – они едут; средства передвижения – они едут в санях (полоз – одна из двух нижних частей саней). Если два объекта движутся пешком, то один может разделиться в любой момент, и одному из них сложнее отделиться от другого, когда они путешествуют, потому что выпрыгнуть из движущегося транспортного средства более опасно. Здесь особенно используется движение, чтобы показать, что счастье и несчастье неразделимы.

Следующие два высказывания: *Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло; Не было бы счастья, да несчастье помогло* - представляют два выражения с изменениями, которые происходят в рамках одной синтаксической конструкции. Смысл, выраженный этими выражениями, остается смысловой концентрацией этих пословиц - несчастье помогает быть счастливым. Однако, в одной из них в скрытой инверсионной форме присутствует фразеологизм этому не бывать, выражающий абсолютное несогласие с тем, что предлагается. Составная часть рассматриваемой пословицы - не бывать счастьем- показывает

удивление обретения счастья более эмоционально сильным образом при поддержке совершенно противоположной ситуации.

Форма сослагательного наклонения в пословице: *Было бы [и] счастье, да одолело несчастье* - указывает на состояние, которое не достигнуто и которое описано как невозможное для того, чтобы стать реальным. Можно предположить, что эта форма также свидетельствует о пассивности субъекта. Эту мысль поддерживает значение глагола одолеть, который в прямом значении трактуется «пересилить, побороть», а в переносном – одолеть кого, что – «о каком-нибудь состоянии: целиком охватить» [58] . То есть, вторая часть пословицы говорит об абсолютной невозможности осуществления предполагаемого в первой части состояния, ибо субъект находится в полной власти противоположного состояния. Рифмующиеся в следующей пословице глаголы "прибавляет" и "отымает": *Счастье ума прибавляет, а несчастье последнее отымает* – придает определенный ритм этому выражению, похожему на стихотворную строку. *Отымать* - устаревший, просторечный вариант глагола *отнимать* - указывает на происхождение выражения- давно сделанного вывода об общественной среде и влиянии несчастья на человека. Субстантивированное прилагательное *последнее* представляет один из субстантивов в выражении им лаконичности изложения, когда эллиптируется слово, обладающее избыточной информацией. Словом, которое не употреблено с данным субстантивом, которое эллиптировано, это, скорее, разъясняющее сочетание: *то последнее, что у нас есть, что мы имеем*. Грамматические компоненты этого выражения , которое мы понимаем должным образом, приводят к формулированию конденсата смысла: *счастье прибавляет только ума, а несчастье забирает всё*. Здесь *несчастье* – мощная сила, которая забирает у человека всё.

Правая часть пословицы: *Счастье с бессчастьем смешалось - ничего не осталось* - делает пословицу немного не совсем понятной. Счастье, вне человека, смешанное с несчастьем в пространстве и погубившее друг друга как разные ситуации? Или эти ситуации настолько неразрывно перемешаны в психике

человека, что никто из них не чувствует? Так что вторая часть могла показать пустоту, полную нечувствительность внутри человека. Одно, что выражено в этой пословице явно: лексема *ничего* так же, как и в предыдущем высказывании указывает на отбирании всего. Но, возможно, эта пословица говорит о том, что у человека бывает ситуация, когда он не может понять, в какой он ситуации и как ему следует себя вести. В следующих обеих пословицах: *Счастье - на костылях, несчастье - на крыльях; Счастье - на крыльях, несчастье - на костылях* - отсутствует глагол, использована нулевая форма предиката. Тире служит более сильным эмоциональным выражением содержания. То, как эти ситуации приходят к человеку, выраженное в этих пословицах, представляется взаимозаменяемым, и это может указывать на неуверенность в понимании человеком этих ситуаций. На костылях это болезненное состояние. Предложный падеж множественного числа лексемы *крылья - на крыльях* - является частью фразеологизма *как на крыльях лететь* – что значит идти или бежать в приподнятом состоянии, ощущать прилив сил — Это эмоционально окрашенное описание радостного состояния ожидания. Это значит, что счастье или несчастье, которое приходит в такое состояние, обязательно нужно воспринимать как позитивную встречу. Итак, эта пословица также показывает абсолютную неопределенность восприятия человеком этих двух совершенно противоположных ситуаций.

В счастье живёт несчастье, в несчастье таится счастье - счастье и несчастье представлены в состоянии нераздельного единства. Они находятся одно в другом. Счастье и несчастье нечто единое, представляющее собой единение противоположностей, биномную структуру, которая пронизывает всё, что существует. Это правое и левое; свет и тьма, мужчина и женщина, верх и низ, холод и тепло.

Счастье добродетельно, несчастье злонамеренно – обусловлено единством лексических единиц, характеризующих счастье. Оно добродетельно или рождается из добродетели. Несчастье характеризует лексема противоположного добру значения – зло. Смысловой конденсат этих пословиц:

счастье – добро, несчастье – зло, то есть эти состояния представлены с точки зрения моральной их оценки, принятой человеком. Кроме того, в пословице: *Несчастье на себя навлекается злом, а счастье рождается из добродетели* – появление счастья обозначено действием, естественным для появления всего живого.

Рассмотренные русские пословицы этой группы говорят о том, что человек не участвует в достижении счастья. Человек - игрушка в руках судьбы. В результате даже негативная ситуация внезапно приобретает положительные черты. Все происходит без участия человека и является для него неожиданным достижением. При условии, что несчастье может принести счастье, можно предположить, что возможно и обратное - счастье вызовет несчастье человека - и человек даже не примет такую непоследовательность и не сможет противостоять ей со временем.

3.2 Анализ группы пословиц и поговорок «Соотношение счастья и беды»

Чтобы анализировать лексико-семантическую выраженность понятия «счастье» в русских пословицах, мы берём группу «Соотношение счастья и беды». В этой группе 5 русских пословиц и поговорок:

- 1) *Счастье пучит, беда учит.*
- 2) *Счастью не во всём верь, а от бедного не затворяй дверь.*
- 3) *От счастья бывает одно счастье, а от беды - две беды.*
- 4) *Счастью не верь, а беды не пугайся.*
- 5) *При счастье бранятся, при беде мирятся.*

Пословицы этой группы состоят из неопределенно личных, обобщенных личных предложений, в которых предмет действия понимается обобщенно. Смысл обобщения в той или иной степени обращается к любому предмету, воплощенному в двух утверждениях с глаголом в форме повелительного наклонения. Предложение, в котором предметом являются анализируемые явления, субъективно.

В высказывании: *При счастье бранятся, при беде мирятся*- при наличии самого действия нет конкретного лица, выполняющего действие, и нет конкретных указаний времени. Такая особенность пословиц обусловлена стилистическими особенностями этого жанра народного творчества: использование синтаксических моделей и лексики конкретного человека и времени действия дает возможность формировать суждения, охватывающие все возможные субъекты. Одновременное подтверждение позиции, согласно которой в любой временной интервал или момент пословица и фраза могут относиться к любому количеству ситуаций, которые должны иметь соответствующее эмоциональное и психологическое содержание.

Нужно отметить, что счастью в этой пословице придано отрицательное воздействие на человека, а беде – положительное.

В пословице: *Счастье пучит, беда учит* - это противоречащее содержанию каждого из субъектов воздействие: положительное воздействие отрицательного по содержанию состояния: *беда учит*, негативное воздействие положительного по содержанию состояния: *счастье пучит* - поддерживает противоречивость этих состояний и в каком-то смысле предостерегает от однозначного отношения к воздействию на человека этих двух состояний. Глаголы, которые рифмуются "пучит" и "учит" задают высказыванию определённый ритм и детализируют негативное воздействие одного состояния и позитивное - другого. Глагол *пучить* указывает на болезненное или неприятное состояние человека: «пучить: вздуть, распирать, заставляя вздуться». Использование лексемы *пучить* как эффект или воздействие счастья можно объяснить тем фактом, что человек, ожидающий счастья, видит свое прибытие просто как добродетель, чрезвычайно горд собой и уверен, что счастье приходит, потому что он достоин этого. В этом случае он может *раздуться от важности и значимости* собственной личности, то есть достичь такого состояния, которое в словесном выражении реализует переносное значение глагола *раздуться*: «намеренно преувеличить размеры и.т.д». В этом случае возникшее счастье не принесет того положительного результата, которого ожидает человек.

Обобщение функции обучения, наставления, расширения действия на любой предмет обеспечивается использованием повелительных глаголов в составе пословиц. Во введении было сказано, что пословицы носят поучительный и регулирующий характер, а форма повелительного строя выполняет эту дидактическую функцию, призывая или предостерегая от того или иного действия. Так, пословицы: *Счастью не верь, а беды не пугайся* и *Счастью не во всём верь, а от бедного не затворяй дверь* - форма повеления необходимости не показывает абсолютную положительную составляющую счастья, она продолжает показывать неопределенность и определенность этих ситуаций. Жизненный опыт предыдущих поколений предупреждает: нужно понимать, что то, что ему казалось счастьем, не всегда бывает так.

Особую роль в этих пословицах играет союз *а*. Имеющий значение «несоответствия предпосылки и следствия» [71], в рассматриваемых высказываниях он представляется выражающим значение снимающего противопоставление и имеющего значение предупреждения союза *но*. При том, что союз *а* указывает на различие двух позиций по какому-либо признаку, в рассматриваемых высказываниях эти различающиеся позиции представлены не взаимоисключающимися, но сосуществующими.

Вторая часть пословицы: *От счастья бывает одно счастье, а от беды - две беды* - соотносится с поговоркой *Бедя не приходит одна*. Возвращение таких неприятностей состоит не в том, чтобы пытаться понять, почему возникла проблема, и решить, что делать, чтобы это не повторилось. Если такое объяснение верно, то можно предположить, что люди, пришедшие к такому выводу, имели идею принять проблему, но не знали, как предотвратить ее повторение. Это может указывать на определенную психологическую слабость испытуемых, переживших такое состояние. Таким образом, можно предположить, что россияне ждут от одного счастья только одного счастья, а одно несчастье может принести другое несчастье. Две синтаксические фигуры служат усилению содержащегося в пословице смысла. Союз *а* сопоставляет два эмоциональных состояния человека. Эллипсис – пропуск понятного без его

упоминания глагола бывает – связанной с этим пропуском интонационной составляющей акцентирует это сопоставление, демонстрацию выражения и напряжения, которые должны сильнее эмоционально повлиять на человека.

Следует отметить, что три русские пословицы этой группы только констатируют, что может принести с собой счастье, а что – беда. Две пословицы из пяти служат тому, чтобы предупредить человека, научить его правильным отношением встречать невзгоды.

3.3 Анализ группы пословиц и поговорок «Понимание счастья»

Последняя, взятая для анализа группа пословиц, – группа «Понимание счастья».

В этой группе всего 8 русских пословиц и поговорок:

1. *Два счастья в одни руки не даётся*
2. *Наше счастье – дождь да ненастье.*
3. *Лад и согласие - первое счастье.*
4. *Не наше счастье, чтоб найти, а наше, чтоб потерять.*
5. *Счастье – вешнее ведро.*
6. *С нашим счастьем только гробами торговать [-сразу все умирать перестанут]*
7. *Нахальство - первое счастье.*
8. *Своего счастья колесом не объедешь.*

Из восьми шесть русских пословиц демонстрируют отрицательные коннотации в осознании своего счастья.

Два счастья в одни руки не даётся. Фразеологизм «дать в одни руки» имеет значение «дать или поручить что-либо одному человеку». 1. Человек должен понимать, что он не может получить сразу все, что хочет. Если ему повезло в чем-то, скажите «Спасибо», и он больше ни о чем не попросит.

Наше счастье – дождь да ненастье. Ненастье – это очень плохая погода, когда несколько дней идёт холодный дождь или когда идёт дождь со снегом. Или когда идёт снег и дует сильный ветер. В этой пословице люди горько шутят.

Две пословицы этой группы: *Лад и согласие – первое счастье* и *Нахальство – первое счастье* - можно назвать взаимоисключающими по смысловому содержанию левой части: положительная коннотация первой пословицы и лексема со значением «беззастенчивая и самоуверенно дерзкая назойливость наглость» [72], во второй пословице они указывают на различие переживаний создателей этих утверждений: мир и понимание как основа отношений против бесстыдства, один человек игнорирует других, игнорирует мораль, бесстыдно и расплывчато делает что-то непристойное.

Не наше счастье, чтоб найти, а наше, чтоб потерять. Такое понимание счастья может прийти к человеку, жизненный опыт которого связан с постоянными потерями. Местоимение *наша* может служить указанием не на единичный пример подобного жизненного пути, а на судьбу какой-то группы людей.

С нашим счастьем только гробами торговать- эта пословица является образцом образного выражения определенного персонажа прожитого времени. Ограничивающее, подкрепляющее значение лексемы *только* подчеркивает пережитое горьким опытом значение несоединенности попыток совершить какое-либо действие, чтобы вырваться из обычного круга бед и несчастий.

Счастье – внешнее ведро. Слово ведро толкуют как весеннее тепло, ясную солнечную сухую погоду. Можно предположить, что в этой пословице есть смысл: счастье согревает человека так же, как согревает его весеннее солнце, когда все в природе начинает расти и процветать. Цветение в природе передается судьбе человека, который может развиваться и становиться взрослее. Однако, с другой стороны, можно толковать эту пословицу иначе: счастье ненадёжно; ломко, как хрусталь. Возможно, здесь случай перенесения качества весеннего дождя – лёгкого, непродолжительного в начале весны – на непродолжительность и непрочность счастья. Эта пословица организована по типу определения предмета, явления с тире на месте нулевой связки именного составного сказуемого.

Своего счастья колесом не объедешь. Эта пословица в сочетании со словом, обозначающим конкретную тему - *колесом не объедешь* - имеет смысл: дело не настолько простое, чтобы обмануть или заставить делать то, чего он не хочет. В этой пословице значение беспокойства, трудности в обращении, передается счастьем лексемы: это случается не со всеми. Счастье само выбирает, к кому оно приходит.

Приведенные в этом абзаце пословицы относятся к тем, кто якобы забрал в своей жизни много разных вещей. Но в качественном отношении это губительно. Дождь, ветер, потеря, хрупкость. Счастье этих людей, окруженное множеством явлений с такими характеристиками, принимает тот же характер. Люди, например, могут заняться торговлей, но с их счастьем они смогут торговать только тем, что связано с кончиной.

В пословицах этой группы преобладает горькая ирония о бедных. Форма синтаксической связи без объединения служит для усиления выраженного значения, когда две части пословицы соединяются в резком и неожиданном переходе от лексемы *счастье* к характеризующим её лексемам *вешнее ведро, потерять, дождь да ненастье, гробами торговать*.

Все пословицы этой группы указывают на внешние причины, которые мешают человеку жить с чувством счастья в своей жизни, что находит свое эффективное выражение в пословице о потере жизни и невозможности найти что-то с ней.

Выводы

Проведенный лексико-семантический анализ пословиц и поговорок концептов «счастье-несчастье» в русском языке позволяет сделать следующие выводы.

Русские пословицы и поговорки имеют определённые характеристики:

-синтаксически поговорки оформлены безличным предложением, с отсутствием конкретного лица, осуществляющего действие;

-часто употребляемая в высказываниях форма повелительного наклонения реализует поучительный и назидательный характер высказывания;

-в пословицах и поговорках часто используются рифмующиеся глаголы, которые задают высказыванию определённый ритм.

Союз *а* сложно-сочинённых предложений и тире в бессоюзных предложениях выполняют особую смысловыражающую функцию: союз *а* обычно указывает на различие двух позиций по какому-либо признаку, но эти позиции представлены не взаимно исключающимися, но сосуществующими; построенное бессоюзно сложное предложение придаёт высказыванию характер строгого назидания, выведенного на основе жизненного опыта.

Риторическая фигура эллипсис, нередко встречающаяся в пословицах и поговорках, придаёт высказыванию характер разговорной речи, что актуализирует тот факт, что ареал появления пословиц и поговорок – народная разговорная среда. Пропущенное в этой стилистической фигуре слово легко восстанавливается из контекста, но в какой-то степени заставляет каждого, кто использует ту или иную пословицу или поговорку, будто бы участвовать в давно произошедшем разговоре. Эллипсис способствует эмоционально более сильному оформлению высказывания. Форма сослагательного наклонения указывает на состояние, которое не достигнуто и которое описано как невозможное, чтобы стать реальным. Кроме вышеперечисленных особенностей, следует отметить, что в русских пословицах и поговорках использованы устаревшие слова, нулевая форма предиката. Следует отметить, что над своим счастьем русские часто горько шутят.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как представляется, обобщение точек зрения на концепт и его определений в лингвистике позволяет прийти к следующему заключению: концепт - это единица коллективного знания / сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой.

Понятийная составляющая концепта "счастье-несчастье" формируется двумя рядами признаков. Внешние семантические границы этого концепта

образованы дистинктивными признаками понятия 'счастье-несчастье': положительная или отрицательная оценка субъектом собственной судьбы. Внутреннее семантическое пространство этого ментального образования динамически наполняется сущностными признаками, вводящими его в концептуальные схемы, типичные для определенной языковой общности.

Проведенное исследование лексико-семантических особенностей русских пословиц и поговорок концептов «счастье-несчастье» позволяет сделать вывод, что пословицы и поговорки являются частью нашего языка, что обуславливает актуальность их изучения в разных аспектах: лингвистическом, семантическом, когнитивном.

Анализ работ отечественных и зарубежных исследователей позволяет говорить о том, что научные работы затрагивают проблемы структурной организации и смыслового содержания пословиц и поговорок, в определенной мере оставляя в стороне проблему четкого обозначения их различий. На современном этапе исторического развития проблемам понимания счастья уделяется внимание в трудах современных философов.

В результате отбора материала к анализу были представлены 90 русских пословиц и поговорок. В силу большого объема отобранного материала из 25 классификационных групп, на которые были разделены пословицы и поговорки, в практической части работы были проанализированы лексико-семантические особенности двух групп русских пословиц и поговорок с концептами «счастье-несчастье». Важность концепции счастья (и, следовательно, образа счастья), упомянутой в исследованиях, ясно видна, если сравнить частоту употребления слова «счастье» с использованием слов «несчастье» и «горе». В любом случае количество употреблений слова «счастье» преобладает. Это говорит о том, что русскоговорящие придают больше значения положительным эмоциям, чем отрицательным.

Русские пословицы и поговорки имеют определённые характеристики:

-синтаксически поговорки оформлены безличным предложением, с отсутствием конкретного лица, осуществляющего действие;

-часто употребляемая в высказываниях форма повелительного наклонения реализует поучительный и назидательный характер высказывания;

-в пословицах и поговорках часто используются рифмующиеся глаголы, которые задают высказыванию определённый ритм.

Союз *а* сложно-сочинённых предложений и тире в бессоюзных предложениях выполняют особую смысловыражающую функцию: союз *а* обычно указывает на различие двух позиций по какому-либо признаку, но эти позиции представлены не взаимно исключающимися, но сосуществующими; построенное бессоюзно сложное предложение придаёт высказыванию характер строгого назидания, выведенного на основе жизненного опыта.

Риторическая фигура эллипсис, нередко встречающаяся в пословицах и поговорках, придаёт высказыванию характер разговорной речи, что актуализирует тот факт, что ареал появления пословиц и поговорок – народная разговорная среда. Пропущенное в этой стилистической фигуре слово легко восстанавливается из контекста, но в какой-то степени заставляет каждого, кто использует ту или иную пословицу или поговорку, будто бы участвовать в давно произошедшем разговоре. Эллипсис способствует эмоционально более сильному оформлению высказывания. Форма сослагательного наклонения указывает на состояние, которое не достигнуто и которое описано как невозможное, чтобы стать реальным. Кроме вышеперечисленных особенностей, следует отметить, что в русских пословицах и поговорках использованы устаревшие слова, нулевая форма предиката. Следует отметить, что над своим счастьем русские часто горько шутят.

РЕЗЮМЕ

«Концепты «счастье-несчастье» в русских пословицах»

Квалификационная работа магистра. – *Рукопись*.

Научный руководитель – кандидат филологических наук доцент Потапова Г.Н.

Актуальность исследования определяется значимостью пересечения культуры и языка, паремиологии и культур в частности, сложностью характера ключевых понятий «счастье» - «несчастье».

Объект исследования - пословицы, в которых представлены концепты «счастье» - «несчастье».

Предмет исследования - анализ лингвокультурных характеристик концептов «счастье» - «несчастье» на материале пословиц.

Цель магистерской работы - описание концептов «счастье» - «несчастье» с учетом формальной и семантической организации русских пословиц, репрезентирующих данные концепты.

При рассмотрении репрезентации концептов «счастье» - «несчастье» на разных уровнях языка нами применяются методы этимологической и

словообразовательной реконструкции, компонентный и сравнительный анализ, анализ словарных дефиниций, психолингвистические методы исследования: метод прямого толкования слова, свободный и направленный ассоциативный эксперименты.

Научная новизна настоящей работы заключается в получении комплексных характеристик концептов «счастье» - «несчастье», представляющих собой оппозицию, компоненты которой могут соотноситься друг с другом по принципу взаимообусловленности: исследование концептов проводится с учетом их включения в широкий контекст философских, психологических, национально-культурных исследований. Приводится описание лексико-семантического уровня репрезентации концептов «счастье» - «несчастье», устанавливается этимология и история развития содержания соответствующих лексем. Исследование концептов «счастье» - «несчастье» проводится на материале пословиц, структурно-семантический анализ которых также позволяет выявить особенности понимания концептов, установить неоднозначность и взаимообусловленность компонентов оппозиции «счастье» - «несчастье», определить их межконцептуальные связи.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования, результаты комплексного описания концептов могут представлять интерес для дальнейших научных поисков в области когнитологии и лингвокультурологии, способствовать более глубокому пониманию природы ментальных сущностей.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы и основные положения работы могут использоваться в лексикографической практике при составлении функционально-когнитивных, синонимических и толковых словарей; в курсе лекций по когнитивной лингвистике, лексикологии и паремиологии русского языка; в практике преподавания русского языка, а также русского языка как иностранного.

Структура работы. Дипломная работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии. В первой главе обобщаются теоретические сведения

по концептуальной лингвистике, анализируются основные понятия, в рамках которых проводится анализ концептов «счастье» - «несчастье», рассматривается история становления понятий «счастье» - «несчастье» в философских исследованиях, а также психологические основы данных концептов; определяется специфика концептов «счастье» - «несчастье» в русской национально-культурной традиции. Во второй главе проводится лексико-семантический анализ единиц, репрезентирующих данные концепты. В третьей главе представлен структурно-семантический анализ пословиц, репрезентирующих концепты «счастье» - «несчастье».

Ключевые слова: концепт, представление, пословицы и поговорки, счастье, несчастье.

SUMMARY

"Concepts" of happiness-unhappiness "in Russian proverbs". Master's qualification work. - Manuscript.

Scientific supervisor – Phd associate professor Potapova G.N.

The relevance of the study is determined by the importance of the intersection of culture and language, paremiology and cultures in particular, the complexity of the nature of the key concepts "happiness" - "unhappiness".

The object of the research is proverbs, in which the concepts "happiness" - "unhappiness" are presented.

The subject of the research is the analysis of the linguocultural characteristics of the concepts "happiness" - "unhappiness" on the basis of proverbs.

The aim of the master's work is to describe the concepts "happiness" - "unhappiness" taking into account the formal and semantic organization of Russian proverbs representing these concepts.

When considering the representation of the concepts "happiness" - "unhappiness" at different levels of the language, we apply the methods of etymological and word-formation reconstruction, component and comparative

analysis, analysis of dictionary definitions, psycholinguistic research methods: the method of direct interpretation of the word, free and directed associative experiments.

The scientific novelty of this work lies in obtaining complex characteristics of the concepts "happiness" - "unhappiness", which are opposition, the components of which can be related to each other according to the principle of interdependence: the study of concepts is carried out taking into account their inclusion in a wide context of philosophical, psychological, national and cultural research. The description of the lexical-semantic level of representation of the concepts "happiness" - "unhappiness" is given, the etymology and history of the development of the content of the corresponding lexemes are established. The study of the concepts "happiness" - "unhappiness" is carried out on the basis of proverbs, the structural-semantic analysis of which also allows to reveal the peculiarities of understanding the concepts, to establish the ambiguity and interdependence of the components of the opposition "happiness" to "unhappiness", to determine their inter-conceptual connections.

The theoretical significance of the work lies in the fact that the research materials, the results of a comprehensive description of concepts may be of interest for further scientific research in the field of cognitology and cultural linguistics, and contribute to a deeper understanding of the nature of mental entities.

The practical significance of the work lies in the fact that the materials and basic provisions of the work can be used in lexicographic practice in the preparation of functional-cognitive, synonymous and explanatory dictionaries; in the course of lectures on cognitive linguistics, lexicology and paremiology of the Russian language; in the practice of teaching the Russian language, as well as Russian as a foreign language.

Work structure. Thesis consists of an introduction, three chapters, conclusion, bibliography. The first chapter summarizes theoretical information on conceptual linguistics, analyzes the basic concepts within which the analysis of the concepts "happiness" - "unhappiness" is carried out, the history of the formation of the concepts "happiness" - "unhappiness" in philosophical research, as well as the psychological foundations of these concepts; the specificity of the concepts "happiness" -

"unhappiness" in the Russian national-cultural tradition is determined. In the second chapter, a lexical-semantic analysis of units representing these concepts is carried out. The third chapter presents a structural-semantic analysis of proverbs representing the concepts of "happiness" - "unhappiness".

Key words: concept, representation, proverbs and sayings, happiness, unhappiness.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность: Антология. – Москва, 1997. – С. 267-280
2. Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. М., 1992– С. 30
3. Лихачев Д.С. Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.С-281
4. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Монография. Волгоград, 2001.С.40-59
5. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языка. М., 1999.С.293
6. Худяков А.А. Концепт и значение // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград: Изд-во ВГУ, 1996. С. –102
7. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. С -21
8. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой, 1996. С-90
9. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка.Воронеж, 1996.С.16
10. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. С.3-16
11. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Вып. I. Архангельск, 1997.С.11-35
12. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.—С. 40.
13. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.—С. 139.

14. Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Из-во ВГУ, 2001. С-39
15. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М.: Молодая Гвардия, 1995. С-246
16. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. - М., 1993
17. Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм П. Абеляра. - М.,1994 - С.119.
18. . Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты в сознании и дискурсе. - М., 2000
19. Михальчук И.П. Концептуальные модели в семантической реконструкции (индоевропейское понятие «закон») // ИАН СЛЯ. - 1997. - Т. 56. - № 4.
20. Попова З. Д. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: ВГУ, 2002. С. 8-49
- 21 .Пономарева Е. Ю. Концептуальная оппозиция «Жизнь-Смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии
22. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с
23. Карасик В. И. Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
24. Убийко Н. И. Типологизация концептов в современном языкознании. М.: Наука, 1999. С. 15-31
25. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Наука, 1997. 416 с.
26. Пименова М. В. Типы концептов [Электронный ресурс]. URL: http://www.kuzspa.ru/diss/conf_27_28/5_pimenova.doc (дата обращения: 10.03.2010).

27. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996. 104 с.
28. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. 123 с.
29. Ризяпова Э. М. Научный аппарат когнитивного описания концепта «внимание» // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 1. С. 110-113.
30. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
31. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2006. 296 с.
32. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. 386 с
33. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. С.134-136,146, 192
34. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990 с
35. Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма: Достижения в психологии, 2013.
36. Тургенев И. С. Житейское правило // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1982. Т. 10. С. 179.
37. Карамзин Н. М. История государства российского: Москва «Книга», 1988, С-181.
38. Пушкин А. С. Письмо Нащокину. Март 1834 г
39. Колесов В. В., Философия русского слова, СПб: ЮНА, 2002-51 с
40. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск, 1996. С. 4
41. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Прогресс, 1987. — Т. 3, 816 с
42. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка: Книга, 1989. – 864 с

43. Воркачев С. Г. Культурные концепты и перевод: макаризмы в тексте Евангелия // Вестник МГОУ. - 2003 -126 с
44. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). — М.: Наука, 1965. —65.67,68 с
45. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка,1994—88,360 С
46. Фасмер ,Срезневский, 1-Ш: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка,1986 . 47,526,538- С
47. М. Довнар-Запольский, Белорусское Полесье: Сборник этнографических материалов. Вып. 1. — К., 1895-335 С
48. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. — 3-е изд. — М., 1999. — Т. 1, 2 (Первое издание словаря вышло через 23 года после смерти автора, в 1993 году)- 118-119,216-217 С.
49. А.Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу: Справочно-библиографический комментарий, 1869, гл. 25. 390 -392С.
50. Потебня А. А. Мысль и язык. - 3 издание. - Харьков, Типография Мирный труд, 1914 . 190,236-240 С.
51. Ковшова, М.Л. Концепт судьбы. Фольклор и фразеология /М.Л. Ковшова //Понятие судьбы в контексте разных культур. Сб. статей. /Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. -М.: Наука, 1994. С.139
52. ССРЛЯ 1963, т. XI, 1205; Словарь русского языка 1984, т. II, 484 с.
53. Неверов А.С. Собрание сочинений в 4-х т., 1957, т. III, с.281 - 282
54. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 томах. т. II,1985. С. 201
55. Словарь современного русского литературного языка. М. Л., 1963. Том 11, С.1205
56. Веденская Л. А. Словарь антонимов русского языка, 1971 г. С .114 – 115
57. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка, 2000, т. II, С. 556

58. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / 4-е издание, дополненное. – Москва : Азбуковник, 2001.
59. В. Тендряков. Апостольская командировка, 1984
60. А. И. Куприн. «Избранные сочинения». М., "Художественная литература", 1985
61. Левицкий Г.М. Александр Македонский. Гениальный каприз судьбы. 2010
62. Бушков А. А . Сталин. Красный монарх. Издательство: Олма Медиа Групп/Просвещение, 2017 г.
63. Махатма Ганди. Революция без насилия. 2017 г.
64. Гладков Ф. В. Лихая година/ Советский писатель: Москва. 1954 г.
65. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка . - Москва : ГИС, 1959. -147 с.
66. О. Н. Трубочева. «Этимологический словарь славянских языков. Вып. 7,40» .Издательство: «Наука », Москва .1980 г.
67. Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / – Воронеж, 2001. С 62-63
68. Зализняк Анна А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира //Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С.153-174.
69. Маслова В.А. Эмоциональные концепты: счастье, радость // Когнитивная лингвистика. М.: ТетраСистемс, 2004. С. 227-233.
70. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. Москва, 1997. 352 с.
71. Соколова [Электронный ресурс]. URL: <http://conference-spbu.ru/conference/32/reports/3361>
72. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/usakov/Nahalstvo-34294>

